

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

КАФЕДРА литературы

ТЕМА ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ

ПОЭТИКА ВОЕННОЙ ПРОЗЫ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.03.05 Педагогическое образование

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Проверка на объём заимствований:

80,42 % авторского текста

Выполнил (а):

Студент (ка) группы Оф-515-075-5-1
Бринёва Александра Михайловна

Работа рекомендована к защите
рекомендована/не рекомендована

« 8 » июня 2018 г.

зав. кафедрой Лит. прозы и МОЛ
(название кафедры)

Т. Маркова ФИО

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой литературы и
МОЛ

Маркова Татьяна Николаевна

Челябинск

2018 год

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Становление «лейтенантской прозы».....	6
1.1. Фронтальная лирическая повесть как структурное ядро «лейтенантской прозы»	10
1.2. Выводы по Главе 1.....	23
Глава 2. Проза о войне Б. Васильева в контексте «лейтенантской прозы»: традиции и новаторство	24
2.1. Путь Б. Васильева к военной прозе	24
2.2. История создания произведений	25
2.3. Образная система произведений.....	27
2.4. Особенности конфликта	34
2.5. Особенности психологизма в произведениях Б. Васильева.....	44
2.6. Символические детали и образы в прозе Б. Васильева	47
2.7. Эволюция военной прозы Б. Васильева. Роман – эпопея «Были и небыли».....	50
Заключение.....	58
Список литературы.....	63
Приложение.....	68
Приложение 1.....	68
Приложение 2.....	80
Приложение 3.....	94
Приложение 4.....	99

ВВЕДЕНИЕ

«Лейтенантская проза» – мощное художественное течение, оформившееся на рубеже 1950 – 1960-х годов. Борис Львович Васильев – яркий представитель этого направления литературы. В его произведениях поднимаются глубоко нравственные общечеловеческие проблемы, которые обостряются в ситуации пограничного состояния между жизнью и смертью.

Актуальность нашей работы определяется недостаточной изученностью прозы Б. Васильева. Явление «лейтенантской прозы» привлекало внимание многих исследователей. Так, Н. Л. Лейдерман в статье «Фронтальная лирическая повесть» рассматривает причины появления лейтенантской прозы, её особенности [25]. Л.И. Лазарев в книге «Это наша судьба» подробно рассказывает о процессе формирования лейтенантской прозы, сравнивает «фронтальную лирическую повесть» с «исповедальной прозой» и проводит связь с тенденцией «психологического натурализма» [24]. В. Я. Саватеев в статье «Ничто не бывает напрасным» рассматривает войну как онтологическую тему, анализирует творчество писателей «лейтенантской прозы», останавливаясь на отличительных чертах каждого автора, выявляет общие черты «лейтенантской прозы», в том числе подвига как явления обыденности, явления незаметного и ежедневного [37]. А. Г. Гутов в своём выступлении на Круглом столе «Великая Отечественная война в современной литературе» (апрель 2015) отмечает, что на войне от советского человека требовалось самостоятельное решение, инициатива, т.е. то, что в обыденной, мирной жизни глушилось [19].

В опубликованных работах, чаще всего в статьях, обращается внимание лишь на отдельные произведения Бориса Васильева, и носят они в основном оценочно-субъективный характер. Статьи и интервью с писателем печатались в «Литературной России», «Учительской газете», «Книжном обозрении» и др. В них критики А. Дементьев, И. Окунев, А. Стародубец, Е. Ульченко, И. Полотовская рассказывают историю создания той или иной повести, анализируют героев, затрагивают особенности стиля, акцентируют

особое, присущее Васильеву трагическое звучание. Некоторые обвиняют его в излишнем мелодраматизме.

Более глубоко военная проза Б. Васильева (повести "А зори здесь тихие", "Встречный бой" и роман "В списках не значился") проанализирована в диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Е. Гуральник "Поэтика военной прозы Васильева в историко-литературном контексте 60—70 гг " (1990) [18]. Произведения автора анализируются в диссертации вьетнамского исследователя Буй Тхе Дыка "Опыт художественного постижения мира личности в прозе о войне (А. Фадеев, В. Быков, Б. Васильев) и его значение для литературы Вьетнама" [5].

Вьетнамский филолог, поставивший в центр изучения "анализ мира личности в прозе Васильева", уверен, что вся военная проза писателя "пронизана героической романтикой" и эта "героика — в жестокой правде". Это "придает его произведениям большую достоверность, высокую искренность и трагический пафос", а через антитезу войны и мира "автор достигает еще большего трагического накала" [5]. В результате исследователь делает вывод, что "героическое начало провоцирует открытую эмоциональность, доведенную до кульминационного звучания" [5].

И Гуральник, и Дык сходятся на том, что "специфика героики, подчеркнутая правдивость и четкость в изображении трудностей войны, экстремальность военной ситуации, сопоставление мира и войны, философия подвига – все это определяет своеобразие мира личности Б. Васильева" [18].

Целью данной работы стало полномасштабное изучение и анализ поэтики главных текстов военной прозы Бориса Васильева.

Рабочая гипотеза: произведения Б.Васильева, относясь к такому литературному течению как «лейтенантская проза», имеют свою особую, присущую только этому автору поэтику. Исследование военной прозы Бориса Васильева даёт общее представление об образе мысли и жизни человека на войне, а поэтика позволяет выявить свойственные конкретно этому писателю стилевые особенности.

Для достижения цели были сформулированы следующие задачи:

- 1) Изучить критическую литературу по избранной теме, сформулировать жанрово-стилевые особенности фронтовой лирической повести;
- 2) Выявить своеобразие поэтики Б. Васильева;
- 3) Разработать конспекты уроков для старших классов в рамках элективного курса.

Объектом исследования стала проблема жанрово-стилевого своеобразия военной прозы. Материалом послужили роман «В списках не значился», повесть «А зори здесь тихие...», диалогия «Были и небыли», автобиографическая повесть «Летят мои кони» Бориса Васильева.

Предмет исследования – поэтика текстов Б. Васильева, позволяющая, с одной стороны, увидеть черты, свойственные лейтенантской прозе в целом, а с другой – выявить своеобразие творческой манеры писателя.

Методология. В основе работы лежат сравнительно-сопоставительный метод с элементами жанрового и стилового анализа текста.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать материалы квалификационной работы при подготовке конспектов к урокам литературы в старших классах средней школы.

Структура работы. Работа состоит из введения, 2-х глав, заключения, списка литературы и приложения.

ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ «ЛЕЙТЕНАНТСКОЙ ПРОЗЫ»

На рубеже 1950 – 1960-х годов сформировалось художественное течение, которое позднее получило название «лейтенантская проза» [25]. Это литературное поколение писателей, на чью юность выпала война. Это совершенно особое – может быть, самое трагическое – поколение в русской истории. «Наше поколение – наполовину вырубленная войной роща», – сказал как-то Сергей Наровчатов. Яркая метафора не совсем точна. Говоря о юношах 1922–1924 годов рождения, которые ушли на фронт прямо со школьной скамьи, надо понимать, что вернулось с войны не половина, а лишь три процента.

«За долгие четыре года войны, каждый час чувствуя возле своего плеча железное дыхание смерти, молча проходя мимо свежих бугорков с надписями химическим карандашом на дощечках, мы не утратили в себе прежний мир юности, но мы повзрослели на двадцать лет и, мнилось, прожили их так подробно, так насыщенно, что этих лет хватило бы на жизнь двум поколениям», [26] – признавался Юрий Бондарев спустя двадцать лет после того, как закончилась война. Этот душевный опыт представителей фронтового поколения сублимировался в мощный сгусток творческой энергии, который очень существенно повлиял на послевоенную отечественную культуру. Из их рядов вышли выдающиеся кинорежиссёры и артисты, композиторы и музыканты, живописцы и скульпторы: Э. Неизвестный, Г. Чухрай, И. Смоктуновский, С. Бондарчук, П. Фоменко... Особенно много среди тех, кто прошёл войну и на всю жизнь остался верен её памяти в своём творчестве, литераторов – поэтов и прозаиков. Артиллеристы Юрий Бондарев, Евгений Носов, Григорий Бакланов, пехотинцы Василь Быков, Иван Акулов, Вячеслав Кондратьев, миномётчик Михаил Алексеев, кремлёвский курсант, затем партизан Константин Воробьёв, связисты Виктор Астафьев и Юрий Гончаров, танкист Анатолий Ананьев, самоходчик Виктор Курочкин, десантник и разведчик Владимир Богомолов, партизаны Дмитрий Гусаров и Алесь Адамович... Они,

шагнувшие в мирную жизнь в солдатских, сержантских, лейтенантских шинелях, принесли с собой в литературу знание и чувство непосредственных участников войны, сказали в ней своё, живое и сильное слово.

Но если поэты фронтового поколения (С. Гудзенко, Ю. Друнина, М. Луконин, С. Орлов, М. Дудин, В. Тушнова, К. Ваншенкин, Е. Винокуров и др.) написали свои лучшие стихи в годы войны или в первые послевоенные годы, то прозаикам понадобилось больше времени для самоопределения, для аналитического осмысления масштабного трагического опыта Великой Отечественной.

Им, прошедшим войну, необходимо было обрести целостное миропонимание, чтобы увидеть чёткую, ясную и неповторимую картину военного бытия в калейдоскопе событий, случайностей, эпизодов фронтовых лет. Иными словами, найти в многообразии единство, обрести и запечатлеть свой взгляд на войну, где бы органично слились воедино личный опыт пережитого и изведенное всем воюющих народом. Это значило выступить в литературе со своей концепцией всеобщего исторического события, каким была в жизни страны Великая Отечественная война [26].

Василь Быков говорил: «О войне я начал писать спустя многие годы после её окончания. На войне и даже долго после неё не только писать, но и читать о ней не хотелось. Так тяжело было пережитое... Когда появилась так называемая вторая волна военной прозы, когда о войне начали писать бывшие лейтенанты, солдаты, это было настоящим откровением: так ново, пронзительно и правдиво зазвучали слова о войне. Я имею ввиду книги Юрия Бондарёва и Григория Бакланова, Виктора Астафьева и Евгения Носова, Юрия Гончарова, Константина Воробьёва и Владимира Богомолова... Их книги – обнажённая правда войны, почти документальная проза о ней. Именно эта проза и укрепила мое желание писать про войну» [23].

Как непреложную истину осознают писатели-фронтовики, эти чудом оставшиеся в живых счастливы, что судьба, по одной лишь ей ведомой

прихоти даровавшая им жизнь, до конца дней наделила их памятью и ответственностью.

«О достойных людях надо и писать достойно», – сказал Виктор Астафьев, – чтобы «не унижить своих друзей торопливым, неряшливым словом, не ввести в краску высокопарным краснобайством. И как надо писать о них, тихо спящих в родной земле российских солдатах! Какими высокими словами, каким пространственным звуком, какой высокой правдой и пронзительной печалью!» [23]

Разные факторы способствовали объединению творческих исканий писателей-фронтовиков. Самый главный – это взыскательное чувство долга памяти перед своим поколением. Книга «Последние залпы», которую Юрий Бондарев передал в Государственный литературный музей, имеет такую надпись: «В этих повестях я хотел сказать о своём поколении на войне – то, что знаю о нём. 13 апреля 1962 г.». А во время выступления на дискуссии «Писатель и война» поэт Константин Ваншенкин сказал следующее: «ответственность писателя перед обществом я прежде всего понимаю... как ответственность перед своим поколением – в буквальном смысле, т.е. перед людьми своего поколения».

Наблюдались и сопутствующие факторы. Например, Григорий Бакланов, Юрий Бондарев и Борис Балтер после войны начинают учиться в Литинституте в семинаре прозы у К.Г. Паустовского, мастера тонкого психологического письма. Писатели фронтового поколения защищали своих товарищей от нападков охранительной критики. Лучшую рецензию на повесть Юрия Бондарева «Последние залпы» написал Григорий Бакланов. А Юрий Бондарев первым поддержал малоизвестного прозаика из Вильнюса Константина Воробьёва, положительно оценив его рассказы и повести. А когда новую повесть Воробьёва «Убиты под Москвой» подвергли жестокому критическому разгрому, первым на её защиту бросился молодой пермский писатель Виктор Астафьев. Белорусский прозаик Василь Быков с

благодарностью отмечал большое влияние, которое на него оказали первые военные повести Бондарева и Бакланова.

Писатели-фронтовики, которые вступили в литературу в 1950-е годы, образовывали определённое творческое единство, в виду сходства биографического опыта, близости воззрений и восприятия современности, которое выражалось не только в общности военной темы, но и в области поэтики. Из большого количества их произведений сформировалось стилевое течение, получившее название «лейтенантская проза» [25].

Фронтальная лирическая повесть формировалась быстро и динамично. Уже в течение шести-семи лет (с 1957 по 1963 год) в печать вышли «Батальоны просят огня» (1957) и «Последние залпы» (1959) Ю. Бондарева, «Южнее главного удара» (1957) и «Пядь земли» (1959) Г. Бакланова, «Повесть о моем ровеснике» (1957) Ю. Гончарова, «До свидания, мальчики» (1961) Б. Балтера, «Журавлиный крик» (1961), «Третья ракета» (1962) и «Фронтальная страница» (1963) В. Быкова, «Звездопад» (1961) В. Астафьева, «Один из нас» (1962) В. Рослякова, «Крик» (1962) и «Убиты под Москвой» (1963) К. Воробьева. Эти тексты вызвали в читающей среде огромный резонанс: от самого резкого неприятия до полного и восторженного согласия.

Все они сразу же стали неотъемлемой частью литературного процесса. Причина заключалась в закономерном характере этого явления: по исторической горизонтали «лейтенантская проза» находится в родстве с современной ей «исповедальной прозой» (тип героя, лирическая доминанта), а по исторической вертикали она пребывает в преемственной связи с тенденцией «психологического натурализма», наиболее ярким выражением которой была повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда».

Но главный творческий импульс, побудивший к жизни прозу фронтового поколения, была полемическая установка — протест против идеологических стереотипов, которыми была окрашена «тема войны», активное неприятие господствовавших и официально одобряемых псевдоромантических клише и шаблонов, которые превращали трагическую

правду войны в помпезно-театральное представление. Но для того чтобы оформить свой, выстраданный и выношенный взгляд, писателям-фронтовикам приходилось разрабатывать другую поэтику.

1.1 Фронтальная лирическая повесть как структурное ядро «лейтенантской прозы»

По мнению Н.Л. Лейдермана, самым явным доказательством прочности внутреннего единства «лейтенантской прозы» стало образование в её среде некоей устойчивой жанрово-стилевой общности, которой принадлежит роль структурного ядра этого течения как историко-литературной системы. Причём, тогда как в большинстве художественных течений жанровым каркасом становится конструктивный принцип построения образа мира, группы родственных жанров (его называют метажанром течения), в процессе становления «лейтенантской прозы» структурным ядром течения стала действительно новая жанровая модель с совершенно определённой стилиевой тональностью. Эту жанровую модель (или точнее – жанровую разновидность) учёный называет фронтальной лирической повестью, выделяя следующие её особенности [25].

Героем повести зачастую выступает молодой человек, юноша, едва сошедший со школьной скамьи, или бывший студент. Для неё характерны натуралистическая образность как важнейший способ постижения истины; парадоксальная острота коллизий; перенос центра тяжести на внутренний конфликт, имеющий нравственный характер. Н. Л. Лейдерман выделяет особую "поэтику окопной правды", локальность хронотопа, многообразие в структуре повествования, повышенную роль деталей. Рассмотрим их более подробно.

Главным персонажем фронтальной лирической повести выступает либо бывший студент, либо вчерашний школьник. Борис Ермаков, герой повести Бондарева «Батальоны просят огня» — лихой комбат, на первый взгляд, военный до мозга костей — иногда вдруг с горечью размышляет о том, что

отдал бы все ордена и звания за одну только лекцию по высшей математике. А Сашко Беличенко из повести Бакланова «Южнее главного удара» еще не забыл свой истфак, где зубрил про пирамиды Хуфу и Хеопса. Если у Беличенко за спиной два года университета, то у капитана Новикова из бондаревских «Последних залпов» позади лишь один курс горного института. «Прошлое можно уложить в одну строчку»¹, все остальное — война. Надев военные шинели, они не перестали быть мальчишками: распахнутыми и смешными, как ошалевший от первых поцелуев Сережа Воронов из «Крика», или, наоборот, подчеркнуто строгими, чурающимися всяких сантиментов, как «этот полувзрослый-полумальчик» капитан Новиков.

Непростая вообще пора вступления в жизнь для них пришлась на войну. Происходящий в этом возрасте мучительный процесс постижения мира в его «взрослом», суровом естестве для них драматически осложнен и трагедийно обострен, ибо на войне мерой добра и зла, правды и лжи становится кровь, и платой за ошибки, обретения — жизнь человеческая. В произведениях Г. Бакланова и Ю. Бондарева, К. Воробьева и В. Астафьева история становления личности на фронте, в окопах, в бою является смысловым стержнем всего повествования.

Авторы фронтовых повестей искали пути наиболее непосредственного, предельно откровенного изображения того, что же происходит в душе молодого солдата-фронтовика под пулями и бомбежками, в горячке боя, среди стонов и крови (это и есть "окопная правда"), как он переживает то, что происходит вокруг него и с ним самим, как формируется его собственное отношение к миру и какие истины он открывает, какие уроки извлекает «на всю оставшуюся жизнь». Такая творческая установка обусловила усиление лирической составляющей в художественной структуре текста, что явственно сказалось на субъектной организации художественного мира.

---

¹ Бондарев, Ю. В. Батальоны просят огня. Последние залпы / Ю. В. Бондарев. Белгород: Клуб семейного досуга, 2015. – 416 с.

Центральное место в ней занимает персонаж, которого можно назвать лирическим героем, чтоб подчеркнуть, что он выступает единственным носителем авторской точки зрения как в идейно-оценочном, так и в структурно-композиционном смыслах. Автор растворен в своем главном герое. Поэтому в лирико-психологической повести, как правило, господствует повествование от первого лица, от лица главного героя — лейтенанта Мотовилова в «Пяди земли» Г. Бакланова, рядового Лозняка в «Третьей ракете» В. Быкова, Сергея Воронова в «Крике» К. Воробьева (аналогично в «Звездопаде» В. Астафьева, в повестях В. Рослякова, Е. Ярмагаева и др.). Но даже в «Убитых под Москвой» К. Воробьева, где герой объективирован и где повествование идет от третьего лица, угол зрения не меняется: субъектом сознания остается сам герой, и зона речи повествователя не отделяет себя от зоны речи героя, а лишь объективирует рефлексию героя.

Выбор на роль центрального персонажа молодого фронтовика и сосредоточение дискурса в зоне его сознания обусловили всю структуру и фактуру фронтовой лирической повести — ее проблематику и конфликты, сюжетику и хронотоп, изобразительность и выразительность.

В повестях Бондарева, Бакланова и их ровесников-единомышленников война воспринимается свежим и взволнованным взглядом юности. И это порождает драматическую парадоксальность изображения, сложный сплав натуралистической и лирической поэтики.

Молодой фронтовик видит войну открытым незащищенным взглядом и с предельно близкого расстояния. Оттого образ войны предстает во фронтовых повестях через мозаику мельчайших подробностей и укрупненных деталей. Отсюда вполне естественное обращение авторов к натуралистической поэтике. Их за это обвиняли в следовании западным образцам — в «ремаркизме». Действительно, романы Ремарка, впервые изданные в СССР в годы «оттепели», пользовались большой популярностью, но фронтовая лирическая повесть связана с ними не столько генетически, сколько типологически. Генетически же их натуралистическая поэтика

связана с повестью В. Некрасова «В окопах Сталинграда», вернее, — с той художественной интенцией, которая зародилась на ее страницах и была вполне осознана автором, вложившим в уста своего героя, лейтенанта Керженцева, следующее рассуждение:

«Есть детали, которые запоминаются на всю жизнь. И не только запоминаются. Маленькие, как будто незначительные, они въедаются, впитываются как-то в тебя, начинают прорасти, вырастают во что-то большое, значительное, вбирают в себя всю сущность происходящего, становятся как бы символом.

Я помню одного убитого бойца. Он лежал на спине, раскинув руки, и к губе его прилип окурок. Маленький, еще дымящийся окурок. И это было страшней всего, что я видел до и после на войне. Страшнее разрушенных городов, распоротых животов, оторванных рук и ног. Раскинутые руки и окурок на губе. Минуту назад была еще жизнь, мысли, желания. Сейчас — смерть.»²

В фактуре текста повести Некрасова заявленная натуралистическая поэтика не доминирует, зато авторы фронтовых повестей довели ее до полной реализации.

Натуралистическая образность является важнейшим способом воссоздания окопной правды. Без жестоких, мучительных, неприятных подробностей не может возникнуть адекватного представления ни о подлинной мере мучений, ни о подлинной цене героизма человека на фронте. Так, в повести Бакланова «Пядь земли» бывалый фронтовик капитан Бабин говорит, что давал каждому, кто служил в пехоте, ордена только за то, что ему приходится переносить в его окопной жизни:

«Вот этой весной. Днем в окопах по колено талой воды. Ну люди же! Глядишь — один, другой вылез за бруствер обсохнуть на солнышке. Тут обстрел! Попрыгали, как лягушки, в грязь. А ночью все это замерзает в лед.

---

² Некрасов, В. П. В окопах Сталинграда / В. П. Некрасов. М.: Русская книга, 1995. – 368 с.

Вот что такое пехота! Вот она кому отольется, война! Мы здесь покуриваем, а он даже оправляется в окопе, если днем. Потом саперной лопаткой подденет с землей и выкинет за бруствер, чтоб ветер не в его сторону.»³

В той же «Пяди земли» есть и такой эпизод: двое пехотинцев, видимо, недавно мобилизованных, идут по открытому полю, «как будто ни немцев, ни войны на свете», и попадают под артиллерийский обстрел:

«И тут мы слышим стон. Жалкий такой, будто не взрослый человек стонет, а ребенок. Мы высовываемся осторожно. Один пехотинец лежит неподвижно, ничком, на неловко подогнутой руке, плечом зарывшись в землю. До пояса он весь целый. А ниже — черное и кровь, и ботинки с обмотками. На белом расщепленном прикладе винтовки тоже кровь. И тень от него на земле стала короткая, вся рядом с ним.»⁴

Такая правда была неожиданной для читателя, привыкшего к совершенно иной, условно-романтической поэтике, в которой план изображения, как правило, вытеснен планом выражения. И это вызвало обвинения писателей-фронтовиков в приземленном изображении Отечественной войны.

На самом же деле натуралистическая образность выступала в качестве одного из двух крайних полюсов в ее стилевой системе. На другом полюсе — лирическая экспрессия, источником которой является юношеская жадность к жизни и свежесть восприятия героя. Поэтому в поэтике фронтовой лирической повести огромная смысловая роль принадлежит парным оппозициям натуралистических и лирических образов [25].

Порой натуралистический и лирический образы, составляющие контрастную пару, значительно дистанцированы друг от друга, но их взаимосвязь очевидна. Так, в главе III «Пяди земли», переправа Мотовилова и Васина с плацдарма на правый берег описывается следующим образом:

---

³ Бакланов, Г. Я. Пядь земли / Г. Я. Бакланов. М.: Советская Россия, 1980. — 384 с.

⁴ Бакланов, Г. Я. Пядь земли / Г. Я. Бакланов. М.: Советская Россия, 1980. — 384 с.

«Через Днестр мы переправляемся под проливным дождем, он полетному теплый. Пахнут дождем наши гимнастерки, которые столько дней жарило солнце. Теперь дождь вымывает из нас соль и пот. Пахнет просмоленная дощатая лодка, сильно пахнет река. И нам весело от этих запахов, оттого, что мы гребем изо всех сил, до боли в мускулах, оттого, что соленые от пота струи дождя бегут по лицу.»⁵

Такие соположения натуралистической пластики и лирической экспрессии становятся эстетическим выражением противоречивого состояния мира. Здесь, на фронте, соседствуют прекрасное и ужасное, здесь каждый миг чреват гибелью и оттого еще более ценен в своей живой данности, здесь люди вынуждены ненавидеть и убивать, но здесь же к ним приходит любовь и рождается жажда отцовства.

Парадоксальная острота коллизий во фронтовой лирической повести состоит в том, что молодой герой открывает чудо жизни в ситуации, в принципе противоестественной — когда сама жизнь висит на волоске.

За всей этой рефлексией героя стоит совершенно естественный для становления личности и глубокий по своей сути психологический процесс — пробуждение сознания бесценной ценности всего сущего. Но тем горестнее и безысходнее утраты — гибель друзей, любимых, увечья, муки раненых... В повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» старшина Васков, держа на руках убитую ножом Соню Гурвич, думает о необозримости утраты, которую несет жизнь с гибелью этой девочки, будущей матери, что могла бы дать начало «маленькой ниточке в бесконечной пряже человечества».

Особым способом концентрации противоборства жизни и смерти становится во фронтовых повестях тема любви — здесь, в окопах, к молодому солдату впервые приходит светлое чувство любви с тем, чтоб через считанные часы смениться трагическим чувством невосполнимой утраты. Подобным образом вычерчиваются сюжетные траектории в повестях

---

⁵ Бакланов, Г. Я. Пядь земли / Г. Я. Бакланов. М.: Советская Россия, 1980. – 384 с.

В. Астафьева "Пастух и пастушка", В. Кондратьева "Сашка", в романе Б. Васильева «В списках не значился» и многих других.

Трагическому противоборству жизни и смерти принадлежит центральное место в фронтовых повестях В. Астафьева. Конфликт, который открывали в своих повестях Бондарев, Астафьев, Кондратьев, был непривычен и нов. Напомним, что в подавляющем большинстве произведений об Отечественной войне главное место занимало столкновение между советскими людьми и гитлеровцами, и конфликтные коллизии всегда так или иначе были окрашены в идеологические и политические тона. А вот во фронтовой лирической повести гитлеровцы находятся нередко за пределами сюжета. Главное же место в повестях писателей-фронтовиков занял конфликт внутренний — между теми, кто находится по одну сторону фронта. Такой сдвиг конфликта уже был замечен у Симонова в «Днях и ночах» (1943) и у Некрасова в повести «В окопах Сталинграда» (1947). Но там внутренний конфликт тоже носил в той или иной мере идеологический характер.

В фронтовой лирической повести на первое место выступил нравственный конфликт — главным водоразделом между людьми стало понятие совести. Почему в то время как одни идут на смерть, другие набивают свои вещмешки трофейным барахлом (коллизия из «Последних залпов» Бондарева)? Почему здоровенный бугай Лешка Задорожный с пустяковой царапиной отправился в тыл, а хрупкая девушка, санинструктор Люся, вернулась на огневую, в расчет, оставленный Лешкой (коллизия из «Третьей ракеты» В. Быкова)? Из таких противоположений состоит конфликтное поле фронтовой повести [23].

У фронтовиков, героев Бондарева и Бакланова, Воробьева и Быкова, выработалась стойкая идиосинкразия к громким словам, к демагогии. Прозаики фронтового поколения произвели радикальную перестановку в иерархии соцреалистических ценностей, выдвинув моральные критерии на

первый план. Главное нравственное открытие, которое делает в окопах молодой фронтовик, — это открытие великой силы добра.

Добро выступает в фронтовой повести как высший духовный принцип мироотношения, как главный критерий поступка — будь то действие простого солдата или решение большого командира. При этом авторы не уходят от крайней сложности самой проблемы добра, сложности, которая особенно остро выступает в ситуации войны [21]. Так, в повести Ю. Бондарева «Батальоны просят огня» капитан Ермаков выставляет строгий нравственный счет своему командиру, полковнику Иверзеву, который при изменившейся ситуации бросил без обещанной огневой поддержки посланные им на правый берег Днепра батальоны. И сам Иверзев в душе испытывает муки совести перед людьми, которых он оставил на верную гибель. Но, пожертвовав двумя батальонами, он смог осуществить задуманную операцию — переправить войска и захватить город Днепров. Поэтому автор оставляет нравственную проблему открытой — он не видит здесь однозначного решения. А в «Последних залпах», следующей повести Бондарева, капитан Новиков (характер, очень сходный с ермаковским) уже сам не может найти ответ на вопрос: «Но где оно, добро в чистом виде?» — когда, «еще не веря, что делает», стреляет из пулемета по своему другу лейтенанту Овчинникову, схваченному немцами, когда, «подавляя в себе чувство жалости», таскает за собой под пулями отвыкшего от фронта солдата Ремешкова. Поведением Овчинникова в плену и переменами в Ремешкове автор оправдывает жестокость Новикова.

Но абсолютно безоговорочной ценностью в художественном мире фронтовой лирической повести выступает Добро как Доброта — как скрытое тепло человечности в отношениях между солдатами, в повседневном окопном быту, в жизни под бомбами и пулями, в бою, среди криков, стонов, ругани, крови и смерти. Этим глубоко интимным чувством сплочены люди на фронте.

Герой фронтовой повести осваивает уроки доброты и входит в фронтовое братство в процессе соучастия и переживания события боя. По мере формирования культуры жанра сюжеты повестей становились все напряжённее, доходя до крайней степени драматизма, все чаще завершаясь трагическими финалами. Эмоциональный накал повествования усиливается также и оттого, что авторы стараются резко ограничивать сюжетное событие во времени и пространстве: время события — один бой, сутки-другие, пространство — окоп, батарея, оружейный расчет, плацдарм в «полтора квадратных километра». И это вызвано не только соображениями художественного правдоподобия — охватить тот масштаб и объем пространства (а значит, и времени), который входит в кругозор центрального персонажа, а прежде всего творческой сверхзадачей: выбрать то место и время, где и когда совершается духовное преобразование молодого фронтовика — когда кончается мальчишество и рождается Личность, Человек [25].

Прозаики фронтового поколения, в сущности, первыми придали человеческое измерение самой Отечественной войне, ибо главной мерой вещей, в том числе и мерой победы, у них стала жизнь человека. Впоследствии этот мотив получил углубленную разработку в повестях Василя Быкова «Дожить до рассвета» (1972) и «Карьер» (1986).

По существу, именно этот — нравственный, «человекоцентричный» — пафос фронтовой повести вызвал острую критику, в которой смешались упреки и в грубом натурализме, и в «недооценке роли общественных организаций в армии», и в «дегероизации», умалении великого подвига советского солдата-освободителя и т.п. [20].

Все эти обвинения имели, помимо всего прочего, политическую подсветку, но в эстетическом аспекте они были объединены под одним ярлыком — «окопная правда». Этим ярлыком, как жупелом, шельмовали почти каждую новую вещь, появлявшуюся из-под пера Бакланова, Бондарева, Быкова, К. Воробьева. Отвечая своим критикам, молодой Юрий Бондарев говорил:

«Окопная правда для меня, в первую очередь, — это очень высокая достоверность. <...> Окопная правда — это те подробности взаимоотношений солдат и офицеров в их самых откровенных проявлениях, без которых война выглядит лишь огромной картой со стрелками, обозначающими направление ударов, и полукругами, обозначающими оборону. Для меня окопная правда — это подробности характера, ведь есть у писателя время и место рассмотреть солдата от того момента, когда он вытирает ложку соломой в окопе, до того момента, когда он берет высоту и в самый горячий момент боя у него разворачивается портянка и хлещет его по ногам. <...> А в героизм входит все: от мелких деталей (старшина на передовой не подвез кухню) до главнейших проблем (жизнь, смерть, честность, правда). В окопах возникает в необычайных масштабах душевный микромир солдат и офицеров, и этот микромир вбирает в себя все» [26].

Под пером писателей – фронтовиков меняется коннотация термина «окопная правда». Официальная критика преподносила его как явление негативное, недопустимой в литературе о войне, пагубно сказывающееся на образе советского солдата. Но Бондарев, Бакланов, Быков, Воробьёв и их собратья по перу вкладывают в это понятие совершенно иное значение. Для них «окопная правда» – это, в первую очередь, правдивое изложение событий, глубокое погружение в характер и жизнь героя, позволяющие читателю понять из чего же складывается личность персонажа, на чём основываются его принципы и поступки.

Поэтика «окопной правды» ориентирована на то, чтобы художественный текст воспроизводил душевный микромир солдат и офицеров, и чтобы этот микромир вбирал в себя огромный макрокосм войны. Сосредоточенность на жизни души, на состоянии героя, переживающего душевный перелом, обусловила, с одной стороны локальность хронотопа в фронтовой лирической повести, а с другой — позволила наполнить колоссальной энергетикой изобразительную фактуру художественного мира. Подробности и детали выступают универсальными средствами постижения

характера, передачи эмоционального состояния героя, воссоздания психологической атмосферы. Подробности и детали входят в повествовательный дискурс лирической повести сквозь призму сознания героя и несут на себе печать его состояния, накала его чувств.

Детали же во фронтовой повести нередко настолько эстетически нагружены, что обретают значение символов (пядь земли, третья ракета, правый и левый берег, журавлиный крик, безымянная высота, кусок хлеба, пропитанный кровью). Взятые вместе, они делают микромир максимально «густым», плотным, насыщенным глубоким эстетическим смыслом.

Но в то же время детали и подробности несут и иную, противоположную функцию — они становятся импульсом для рефлексии лирического героя, порождая различного рода ассоциации типа лирических отступлений и вводных эпизодов.

В повести Н. Внукова «Наша восемнадцатая осень» очень много вводных эпизодов и лирических отступлений, они перемежаются с основными событиями повести, попеременно сменяя друг друга. Случайно брошенное слово, заданный вопрос, письмо, полученное из дома вызывают у героя, семнадцатилетнего Иля Пономарёва, неконтролируемый поток воспоминаний. Он всё ещё продолжает жить той, мирной жизнью, противясь страшной окружающей действительности. Не раз перед его мысленным взором будет вставать родная, уютная кухня:

«Я вдруг очень отчетливо представил мать, сидящую на кухне за маленьким нашим кухонным столом в глухой тишине опустевшего дома. Представил ее опущенную голову, ее худенькие, приподнятые плечи, ее волосы, тронутые сединой, ее руки с потрескавшимися от бесконечных стирок и возни в огороде пальцами, чашку с остывающим чаем на линялой голубой клеенке, сахарницу с отбитой ручкой...Все это так близко, каких-нибудь полчаса быстрого хода по улицам, и так недоступно теперь...»⁶

---

⁶ Внуков, Н. А. Наша восемнадцатая осень / Н. А. Внуков. М.: Речь, 2015. – 208 с.

Образ дома, домашнего очага пройдёт через всю канву произведения как антитеза войне.

В поэтике фронтовой лирической повести, наряду с прямыми ассоциациями, принадлежащими сознанию героя, существенную роль приобрели ассоциации скрытые, ориентированные на сознание читателя, на его домысливание. Они образуют широкое поле сверхтекста, который окружает непосредственно изображенное пространство и время (собственно внутренний мир произведения), создавая некий избыток видения, размывая горизонты «окопного мира».

Сами писатели-фронтовики по-разному объясняли свои апелляции к читательскому опыту. Но, несомненно, сравнимая разве что с лирикой активизация читателя отвечала общему пафосу доверия к самосознанию личности, который полемически утверждался прозаиками фронтового поколения, побуждала читателя глубже входить в вымышленный мир, переживать нечто подобное тому, что переживает сам герой [46].

Но, конечно, самостоятельность читательских ассоциаций мнимая — они организуются и направляются «сигналами», которые продуманно расставляет автор. А читателю, пережившему войну, об очень многом говорили словесные формулы «спецотряд войск НКВД», «осень сорок первого года», «переправа через Днепр», они хорошо знали, что означает слово «штрафбат», они понимали, в чем разница между теми, кто носил хромовые сапожки, и теми, кто топал в кирзачах... Таких деталей и подробностей, рассчитанных на домысливание читателя, бесконечно много в фронтовых лирических повестях — не нарушая органики субъективного повествовательного дискурса, они включают читательский опыт в художественный мир, расширяя масштаб художественного события и увязывая истины, открытые в окопе, с ценностным постижением общих законов человеческого мира.

«Лейтенантская проза» продолжила традицию изображения войны, которую заложил в первую очередь Л. Н. Толстой [46]. Её принципы оказали

мощное воздействие на литературный процесс второй половины XX — начала XXI века. В частности, «лейтенантская проза» выработала мнение о том, что писатель не имеет морального права писать о войне, если он сам не воевал. Наглядным примером здесь может выступить конфликт вокруг романа о чеченской войне «Асан» (2008—2009) невоювавшего писателя Владимира Маканина. Произведение подверглось критике со стороны писателей, прошедших войну в Чечне: Аркадия Бабченко, Александра Карасёва, Захара Прилепина [2].

В ходе эволюции фронтовой лирической повести исследователи обнаруживают следующие разнонаправленные тенденции. Одни авторы пошли по «экстенсивному» пути, обратившись к романной форме, в которой пытались контаминировать психологические конфликты с исторической хроникальностью (Г. Бакланов «Июль 41-го года», Ю. Бондарев «Горячий снег»). Бондарев продолжал осваивать возможности романа («Берег», «Выбор»), а Бакланов после затяжного творческого кризиса в конце концов вернулся в своих невыдуманных рассказах 1980-х годов к формам субъективного письма.

Другие же, наоборот, еще более усилили «интенсивность» повествования и изображения. Так, Василь Быков пошел по пути углубления нравственного конфликта — он создал новую, эпико-драматическую, форму повести, в которой центральное место заняла драма выбора героями нравственной позиции в ситуации «жизнь или смерть». А Константин Воробьев пошел в глубь внутреннего мира своего героя, и здесь поэтика Воробьева начинает тяготеть к сюрреалистической образности (таков рассказ «Немец в валенках», опубликованный в журнале «Урал» в 1966 году).

В «послеоттепельное» время традицию фронтовой лирической повести продолжили Борис Васильев («А зори здесь тихие...») и Вячеслав Кондратьев («Сашка», «Селижаровский тракт», «Отпуск по ранению»). Но зачинатели этого художественного потока уже в него не возвращались.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1) «Лейтенантская» проза как стилевое течение сформировалась на рубеже 1950 – 1960 гг.

2) Каждый из авторов «лейтенантской» прозы вступал в литературу со своей концепцией масштабного исторического события, каким стала в жизни страны Великая Отечественная война. Они привнесли в литературу свою точку зрения на войну, в которой органично слились воедино личный опыт пережитого и изведенное всем воюющим народом.

3) Пришедшие с войны, они считали своим долгом донести память до потомков, рассказать о своих боевых товарищах, не вернувшихся с фронта.

4) Нами выделены следующие особенности фронтовой лирической повести: героем повести зачастую выступает молодой человек, юноша, едва сошедший со школьной скамьи, или бывший студент; для нее характерны натуралистическая образность как важнейший способ постижения истины; парадоксальная острота коллизий; перенос центра тяжести на внутренний конфликт, имеющий нравственный характер, особая "поэтика окопной правды", локальность хронотопа, повышенная роль деталей.

5) В «послеоттепельное» время традицию фронтовой лирической повести продолжили Борис Васильев («А зори здесь тихие...») и Вячеслав Кондратьев («Сашка», «Селижаровский тракт», «Отпуск по ранению»).

ГЛАВА 2. ПРОЗА О ВОЙНЕ Б. ВАСИЛЬЕВА В КОНТЕКСТЕ «ЛЕЙТЕНАНТСКОЙ ПРОЗЫ»: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

2.1 Путь Б. Васильева к военной прозе

В автобиографической повести «Летят мои кони» читаем:

«Кажется, в июне 1968 года я начал писать повести о войне... Я писал неторопливо, иногда несколько строчек в день, часто отвлекаясь. Тогда на киностудии «Ленфильм» режиссер Михаил Ершов снимал фильм по нашему с Кириллом Рапопортом сценарию «На пути в Берлин». Я часто ездил на съемки, даже снялся в эпизоде, бывал на натуре и в павильонах, а писать не спешил. У меня не было ни договоров, ни обязательств, а было тревожное чувство обязанности. До сей поры я не испытывал подобного чувства, хотя четверть века зарабатывал на жизнь пером. Но одно — «зарабатывать на жизнь», а другое — «быть обязанным». Я закончил эту повесть в апреле 1969 года, назвал ее чудовищно («Весною, которой не было», это же придумать надо!), положил в конверт и отправил в журнал «Юность.»⁷

«В силу глубинного ощущения времени Борис Васильев пришёл к своему пониманию войны не сразу. Её художественное осмысление начиналось в нём подспудно, оно требовало внутреннего накала, той критической точки, когда происходит самовоспламенение материала, всё оживает, приобретает зримые черты, конкретные и тревожные образы. Наверное, необходима была и духовная зрелость, чтобы понять и вновь пережить былое, с иных высот увидеть далёкую юность.» [21]

Начал свою литературную деятельность Борис Васильев с пьесы «Танкисты», вышедшей в 1954 году, которая была посвящена смене поколений в армии послевоенной страны. Спектакль по этой пьесе, получивший название «Офицер», так и не состоялся, в 1955 его запрещает Главное политуправления Советской Армии.

Несмотря на неудачу, Б. Васильев продолжает заниматься драматургией, пробует себя в качестве сценариста. Здесь его ждёт успех: по

---

⁷ Васильев, Б. Л. Летят мои кони / Б. Л. Васильев. М.: Астрель, 2010. – 384 с.

сценариям Б. Васильева снимаются художественные фильмы «Очередной рейс» и «Длинный день». А в 1971 году на экраны выходит фильм «Офицеры», принёсший ему широкую известность [35].

Васильев пишет своё первое прозаическое произведение «Иванов катер», но здесь его снова ожидает неудача. В 1967 году Твардовский принимает повесть к публикации в «Новом мире», но произведение выйдет свет лишь в 1970 году.

Славу писателю принесёт повесть «А зори здесь тихие», написанная в 1968 году. Эта повесть станет первой крупницей долга, который Борис Васильев будет отдавать всю свою жизнь тем, кто так и не вернулся с той войны.

2.2 История создания произведений

Особое место в творчестве Б. Васильева занимает роман «В списках не значился». В своей автобиографической повести «Летят мои кони» Борис Васильев вспоминает, как впервые попал в Брестскую крепость уже в 1961 году, тогда, когда уже был музей: *«...но еще были стены, иссеченные пулями, и подвалы с обожженными сводами, и тишина после боя, и хруст осколков под ногами.»*⁸ И именно тогда, потрясённый всей открывшейся его взгляду картиной, он задумал написать роман о том, как эта крепость жила и сражалась. Но пока эта только робкие мечты, только ростки идеи, которые дадут свои всходы ещё очень нескоро, роман «В списках не значился» будет написан только в 1974 году.

Как и другие представители «лейтенантской прозы» Борис Васильев осознал своё литературное предназначение спустя много лет после окончания Великой Отечественной войны. Пройдёт 23 года, прежде чем он осознает:

*«Я дозрел. И зрелость выразилась не в том, что я стал лучше писать, а в том, что я понял, о чём я должен писать.»*⁹

---

⁸ Васильев, Б. Л. Летят мои кони / Б. Л. Васильев. М.: Астрель, 2010. – 384 с.

⁹ Васильев, Б. Л. Летят мои кони / Б. Л. Васильев. М.: Астрель, 2010. – 384 с.

И в основе сюжета «А зори здесь тихие», и в основе сюжета «В списках не значился» лежат реальные исторические события. История, произошедшая с пятью юными девушками, действительно имела место быть. Самое существенное изменение, которое внёс Борис Васильев, - замена солдат, годных к нестроевой службе и инвалидов на молодых задорных девчонок.

В одном из своих интервью Б. Васильев объяснит, что ему дал этот ход: «Сделав героев повести девушек в шинелях, я не погрешил против правды жизни. Зато таким образом придал повествованию больший эмоциональный накал. Гибель солдата на войне, как она ни тяжела и ни горька – всё же воспринимается как возможное, как суровая необходимость, а вот смерть от вражеской пули юной девушки, созданной для любви и продолжения жизни, - вопиющая трагическая несообразность, которая отзывается особенно острой болью.» [12]

В основу романа «В списках не значился» легла легенда о солдате, оборонявшем крепость на протяжении десяти месяцев. Васильев переработал эту легенду и на её основе написал роман. Он очень долго работал с архивными документами и разговаривал с работниками музея. При разборе архивных документов он случайно нашёл список прибывших в крепость на канун войны. Здесь у него и родилась идея названия романа. Он подумал, а что если имя его героя не попало в этот список, что если он не успел уведомить начальство о своём прибытии?

Имя его главного персонажа носит биографический характер. В своей автобиографической повести «Летят мои кони...» Васильев будет вспоминать:

«Моего друга звали Николаем Петровичем Плужниковым, у него была сестра Вера, и я назвал его именем одного из первых своих героев — героя романа «В списках не значился». Мне необходимо было положить свой венок на могилу самого близкого друга моего...»¹⁰

---

¹⁰ Васильев, Б. Л. Летят мои кони / Б. Л. Васильев. М.: Астрель, 2010. – 384 с.

Таким образом, можно сделать вывод: Б. Васильев настолько стремится к правдивости изображаемых событий, что основу его произведений составляют реальные военные случаи. Автор ставит перед собой цель - увековечить высокий подвиг, осветить человеческий надрыв, показать героя не просто в пограничной ситуации между жизнью и смертью, а показать в ситуации выбора: защищать или сдаться. И в том, и другом произведении прослеживается эта грань, эта черта, преступив которую, назад дороги уже не будет.

2.3 Образная система произведений

Героями повести «А зори здесь тихие...» выступают не просто молодые, незрелые люди, автор усугубляет ситуацию, делает её ещё драматичнее и напряжённее, его героями становятся пять юных девушек. Тема юного, ещё не знающего жизни, человека тесно переплетается с ещё одной темой – темой женщины на войне. Васильев один из немногих ярко осветил всю трагичность войны, её губительную силу и несправедливость, она уничтожает и женщин, и детей, и стариков. Из повести мы узнаем, с чем пришлось столкнуться ещё совсем молодым девушкам, почти девочкам, на войне, которая не различает пола, возраста, социального положения, которая заставляет жить по уставу и руководствоваться приказами, а не чувствами.

«Шла война. И шли на войну люди, совсем даже не приспособленные с рождения своего к ратным делам. Шли те, что самой природой предназначены рождать жизнь, а не убивать. Шли женщины [28]. *«Эх бабы, бабы, несчастный вы народ! Мужикам война эта – как зайцам курево, а уж вам-то...»*¹¹ Автор уже с первых страниц пытается донести до читателя несовместимость женщины и войны, и дело даже не в том, что женщина физически слабее любого мужчины, а в том, что не может будущая мать, призвание которой дарить жизнь, безжалостно отнимать её. Повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» вся построена на этом противоречии. Использует его как художественный приём, вызывая то улыбку, то боль.

---

¹¹ Васильев, Б. Л. А зори здесь тихие / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 191 с.

*«Вот почему ты крикнула. Ты потому крикнуть успела, что удар у него на мужика был поставлен. Не дошёл он до сердца с первого раза: грудь помешала...»*¹² *«Ночами зенитчицы азартно лупили из всех восьми стволов по пролетающим немецким самолётам, а днём разводили бесконечные постирушки...»*¹³. Текст произведения не на то рассчитан, чтобы показать, как женщина не хуже мужчины воевать может, нет. Просто она делает это по-своему, изобретательно, не всегда логично, не очень, может быть, согласуясь с уставом, не вынашивая в себе мужественность, суровость и хладнокровный эгоизм. Героини повести, не стесняясь, во всю проявляют свой независимый женский характер, даже в таких тяжёлых обстоятельствах как война.

*«Нету здесь женщин! – крикнул комендант и даже слегка пристукнул ладонью по столу. – Нету! Есть бойцы, и есть командиры, понятно? Война идёт, и покуда она не кончится, все в среднем роде ходить будем...»*¹⁴. И оказался не прав. Сам понял, что не прав, что человек, хочешь не хочешь, в своём роде ходит, а не в среднем. Только устав об этом ничего не сообщал.

Автор представляет на суд читателей, можно сказать, целую галерею женских образов. Каждый образ по-особому хорош и притягателен, за каждым из них чувствуется любовь автора к своим детищам, его сострадание и боль. Их было шестеро, со старшиной Васковым вместе, с единственным в группе представителем «сильного пола». Какие они разные, эти девчонки! Рита Осянина, не улыбка вдова героя – пограничника. Лиза Бричкина, толстушка, задыхавшаяся от застенчивости, с четырнадцати лет учившаяся великому женскому искусству – ждать. Соня Гурвич, щупленькая девочка из еврейской семьи, в сапогах на два номера больше. Маленькая Галя Четвертак, детдомовская фантазёрка. Красавица Женя Комелькова, бесстрашная, рыжая, озорная, у которой одна слабость была на свете:

---

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

красивое бельё. И поводырь Фёдор Ефграфыч, немногословный, неторопливый, с мужской основательностью и охотничьим нюхом.

Используя приём ретроспекции [27], автор позволяет нам заглянуть в прошлое каждой девушки, узнать, чем она жила, что любила, чем дорожила, и, наконец, что привело, что толкнуло её на эту войну, почему она, женщина, пошла сражаться с врагом. У каждой героини за плечами своя жизненная трагедия, стать солдатом для них – это не блажь, не романтическая мечта, это цель жизни, потому что война перевернула всю их мирную, спокойную, налаженную и счастливую жизнь. Теперь перед ними совершенно другие приоритеты и задачи. Но каким бы серьёзным не было это желание – воевать – мы понимаем, что пред нами героини, совершенно к войне не готовые, ни физически, ни морально. И это осознание усугубляет трагизм излагаемых автором событий.

Им, этим ещё только начавшим жить девчонкам приходится вступить «в смертный бой с шестнадцатью вооружёнными до зубов гитлеровцами». Б. Васильев не романтизирует своих героев, не рисует их людьми сверхъестественной силы, воли и мужества. Он любит естественность, чувство и поведение, остерегаясь фальшивого крика, резких движений.

Из пятерых девушек трое – Бричкина, Гурвич и Четвертак – погибли, не сделав ни одного выстрела по врагу. А Комелькова, прикончив фашиста прикладом винтовки, испытывает не чувство удовлетворения совершённым, а отвращение, тошноту. Тут не минутная слабость, а нечто глубинное, трагическое по своему смыслу. Девушка, будущая мать, бьёт прикладом по живой голове. Но бить надо. Бить, пока зверь в логово не уползёт. И там бить, покуда не вспомнит, что человеком был, покуда не поймёт это. Умом девушка понимает это, но сердцем, женские естественным принять и осмыслить не может. Писатель проповедует не беспощадность, а непримиримость к врагу, социальную, классовую непримиримость.

Девочки, в которых «самой природой ненависть к убийству заложена», не то что черствеют душевно в сражениях, а приобретают опыт, закаляются

эмоционально. Они, сами того не замечая, приравниваются к жестокой, кровавой логике войны, требующей от них не только вздохов и лирики, но и действия штыком, винтовкой. И они, не переставая быть самими собой, делаются солдатами, людьми отваги, мужественными войнами. Милая, озорная Комелькова в конце повести совершает подвиг, который гармонирует с её натурой – озарённой внутренним светом. Отстреливаясь, она уводит за собой гитлеровцев, желая спасти тяжело раненную подругу – Риту Осянину. А умирающая Рита совершает свой последний героический поступок, обеспокоенная судьбой Комельковой, она упрасивает старшину оставить её и спасти подругу, а сама в это время заканчивает жизнь самоубийством, чтобы не быть помехой, балластом для своих товарищей.

Автор не скрывает того, что состояние героического самозабвения не заглушает в человеке страха смерти, обостряя в нём желание жить [27]. Да, можно согласиться с писателем: на войне, где нервы напряжены до предела, на первый план снова выходит извечный зов жизни – уцелеть. Но этот неистребимый физиологический инстинкт самосохранения не вступает в противоречие с другим социальным помыслом – драться с врагом до последнего вздоха, до последней капли крови.

В романе «В списках не значился» героем становится восторженный молоденький лейтенант Коля Плужников (герой, недавно сошедший со школьной скамьи, – это то, что отличает и другие произведения «лейтенантской прозы»), только-только получивший воинское звание и сердце которого всё ещё сладко замирало в приступах молодого тщеславия, когда курсанты старательно отдавали ему честь. Начальство великодушно предложило ему остаться при училище командиром учебного взвода, но Коля Плужников *«был твёрдо убеждён, что командир становится настоящим командиром, только послужив в войсках, похлебав с бойцами из одного котелка, научившись командовать ими. А он хотел стать таким командиром...»*¹⁵ И поэтому вместо того, чтобы остаться на хлебный

---

¹⁵ Васильев, Б. Л. В списках не значился / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 286 с.

должности командира в училище, он попросился в войсковую часть. И его отправляют служить в Брестскую крепость.

Своё назначение он рассматривает как одну из «приятных неожиданностей», что свалились на него в последние три недели. С первых страниц романа Николай Плужников и предстаёт перед читателями именно таким, восторженным, счастливым настолько, что *«просыпался по ночам от собственного смеха»*. Счастливый настолько, что, как замечает его мать, мог ещё не думать о смерти, ведь перед ним ещё вся жизнь впереди.

Перед нами герой только-только вступающий во взрослую жизнь, ещё не познавший сильных душевных потрясений, бед, горестей, любви. Но несмотря на это, мы понимаем, что перед нами человек с глубокими нравственными принципами и убеждениями, пусть ещё наивными, романтическими, но настоящими, достойными звания мужчины и командира. Это выражается во всём. И в его нежелании курить, причём курение понимается здесь не просто как вредная привычка, а как акт большой силы воли. И в нежелании оставаться на сулящей лёгкую и вольную службу должности командира учебного взвода в училище. И в его понимании любви и отношении к женщинам, в заботе о матери и сестре и во многом другом. Эти его достоинства понимают и другие герои романа. Генерал, неохотно отпуская его служить на Особый Западный фронт, приказывает ему вернуться через год назад, потому что им *«такие некурящие страсть как нужны»*.

И счастливый лейтенант Николай Плужников отправляется к месту своего назначения, ещё не зная, что война попятам следует за ним и дышит ему в спину.

Если в первой своей повести автор строго ограничивает количество действующих лиц, то в романе открывается целая панорама командирских и солдатских образов. Это и старшина Семён Матвейч, и старший сержант Федорчук, и боец Вася Волков, и многие другие командиры и бойцы, так и оставшиеся безымянными защитниками Брестской крепости (в пылу

сражения некогда было спрашивать имена сражающихся рядом, да и какая разница, как зовут человека только что спасшего тебе жизнь, не так уж это и важно). Они были разными, объединяло их одно: растерянность, как простых бойцов, так и командирского состава, не ожидали они, эти спокойно спящие в своих постелях люди, этого подлого вражеского наступления, поэтому и растерялись, повыскакивали на улицу полуголые, сонные, ничего не понимающие. Внешний вид защитников крепости оставлял желать лучшего: *«На откосе сидел парнишка в синей майке, черных трусах и пилотке»*¹⁶. И это обстоятельство вызывало бы улыбку (ну что за бойцы в одних трусах?), но происходящие события к веселью не располагают. А это противоречие лишь обостряет читательское впечатление, передаёт состояние героев в первые часы войны.

Не забывает автор и про женские образы, вводя в повествование любопытную Анну Петровну, заботливую и хозяйственную тётю Христю и Мирру, улыбчивую, смешливую и шептунную «хромоножку». Вместе с последним образом Б. Васильев вводит тему настоящей, истинной любви. Это уже не физическое влечение, которое он испытывал к библиотекарше Зое, не влюблённость, что он ощутил к Валюшке, подруге сестры, это уже зрелое, выношенное чувство, которое обостряется в пограничной ситуации жизни и смерти.

По ходу повествования мы наблюдаем постепенный, иногда совершенно незаметный внешне, но хорошо ощутимый внутренний рост героя. Из «восторженного» юноши он превращается, «переодевается» в солдата, даже внешне он как будто становится старше, взрослее, он становится мужчиной. Практически в одиночку сражаясь с врагом на протяжении десяти месяцев «без соседей слева и справа, без приказов и тылов, без смены и писем из дома», Коля находится в нечеловеческих условиях. Что же заставило этого молодого человека остаться в крепости и защищать её до самой смерти? Кто отдал ему этот приказ? Его совесть,

---

¹⁶ Васильев, Б. Л. В списках не значился / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 286 с.

огромное чувство любви к родине, к своей семье... Но всё это понимание придёт к нему позже, он сражался, потому что так было надо, потому что этому его учили, потому... да и некогда было рассуждать.

Десять месяцев подпольной борьбы превратили молодого «хрустящего» лейтенанта в дряхлого старика, как будто кто-то злой взял и запустил время в ускоренном режиме, неумолимо по капле вытягивая из него жизнь.

«У входа в подвал стоял невероятно худой, уже не имевший возраста человек. Он был без шапки, длинные седые волосы касались плеч. Кирпичная пыль въелась в перетянутый ремнем ватник, сквозь дыры на брюках виднелись голые, распухшие, покрытые давно засохшей кровью колени. Из разбитых, с отвалившимися головками сапог торчали чудовищно раздутые черные отмороженные пальцы. Он стоял, строго выпрямившись, высоко вскинув голову, и, не отрываясь, смотрел на солнце ослепшими глазами. И из этих немигающих пристальных глаз неудержимо текли слезы»¹⁷.

Но все эти внешние изменения, все трудности его одиночной и, казалось бы, бесполезной борьбы (ну что может один полуживой солдат против целой армии?) не сломили героя, а лишь закалили его характер. Своим героическим поступком он заставил уважать себя даже врага. Достаточно вспомнить последнюю сцену романа, когда немецкий генерал отдаёт ему дань уважения.

«И вдруг немецкий лейтенант звонко и напряженно, как на параде, выкрикнул команду, и солдаты, щелкнув каблуками, четко вскинули оружие "на караул". И немецкий генерал, чуть помедлив, поднес руку к фуражке. А он, качаясь, медленно шел сквозь строй врагов, отдававших ему сейчас высшие воинские почести. Но он не видел этих почестей, а если бы и видел, ему было бы уже все равно. Он был выше всех мыслимых почестей, выше славы, выше жизни и выше смерти»¹⁸.

---

¹⁷ Васильев, Б. Л. В списках не значился / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 286 с.

¹⁸ Там же.

Николай Плужников становится легендой. Война закончится, Брестская крепость станет музеем, имя его затеряется в истории (*«мы не знает ни его имени, ни звания, но мы знаем, что это был русский солдат»*), но память о нём будет жить.

2.4 Особенности конфликта

Изображая военные действия, Б. Васильев делает акцент не на внешних событиях, а показывает войну как бы «изнутри», глазами своего героя. В романе «В списках не значился» во время первого боя у героя, а следом и у читателя складывается ощущение нереальности происходящего. Автор подчёркивает это по-разному. Коле постоянно приходят на ум параллели с игрой: слишком спокойно разговаривает с ним боец (как будто идёт дворовая игра), сам он использует словечки, вроде слова «красные», которые они произносили во время детской игры в Чапаева. Ирреальность происходящего подчёркивают и другие персонажи романа. Несколько раз прозвучит фраза «как в кино». А Коля от ощущения игры перейдёт к ощущению сна. События будут восприниматься как – то отстранённо, вязко, тяжело, сквозь какую – то пелену. Включая в повествование то мотив игры, то мотив сна, автор пытается передать внутреннее ощущение своего героя, для которого этот бой стал первым. В повести «А зори здесь тихие» тоже будет присутствовать элемент нереальности происходящего. Окружающая действительность поразит героинь своим безмолвием настолько, что они почувствуют себя «как во сне».

Несмотря на весь ужас первого сражения, герой ещё не чужд романтических мыслей и бахвальства, он оценивает свои действие не без некоторой степени самодовольства, хотя ничего героического он не совершил, наоборот, когда его схватил немец, он визжал как девчонка и толком даже не пытался вырваться, так бы и погиб, если бы его не спас другой боец. Но герою кажется, что он был хорош, и что ему будет что рассказать маме и Вере.

Б. Васильев избегает натуралистической образности, что отличает его от других представителей «лейтенантской прозы». Описывая смерть, автор больше обращается к переживаниям своего героя, к мыслям, чувствам, что преодолевают его в этот самый трудный, последний миг их жизни. Мыслями герой уносится в такое близкое, но уже такое далёкое безбрежное прошлое, в своё детство, к своим родным... к тому, что так безжалостно перепахала война. Он мало обращает внимания на физическую боль, почти не чувствуя её, он думает о чём-то более важном. Он думает о так мало прожитых годах, вспоминая самые яркие, самые тёплые эпизоды своей жизни. И он до самой последней минуты не верит, что это конец, что это всё, что дальше ничего не будет... Вот и Женя Комелькова, уводя за собой немцев, *«ни на мгновение не сомневались, что всё окончится благополучно. И даже когда первая пуля ударила в бок, она просто удивилась. Ведь так глупо, так несуразно и неправдоподобно было умирать в девятнадцать лет...»*¹⁹. И Лиза Бричкина, утопая в болоте, продолжала бороться за свою жизнь, бороться и верить.

*«Лиза долго видела это синее прекрасное небо. Хрипя, выплёвывала грязь и тянулась, тянулась к нему, тянулась и верила. Над деревьями медленно всплыло солнце, лучи упали на болото, и Лиза в последний раз увидела его свет – тёплый, нестерпимо яркий, как обещание завтрашнего дня. И до последнего мгновения верила, что завтра будет и для неё.»*²⁰

А ещё герой невольно думает о будущем, которого у него не будет, беспокоится о самом главном. О чём может думать перед смертью молодая девушка? Умирая, Рита Осянина *«не жалела себя, своей жизни и молодости, потому что всё время думала о том, что было куда важнее, чем она сама. Сын её оставался сиротой, оставался совсем один на руках у болезненной, робкой матери, и Рита гадала сейчас, как переживёт он войну и как потом сложится его жизнь.»*²¹

---

¹⁹ Васильев, Б. Л. А зори здесь тихие / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 191 с.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

Но и Борис Васильев всё-таки прибегает к натуралистической образности для того, чтобы передать всю бесчеловечность и жестокость войны, чтобы показать во что она превращает человека (да и можно ли его теперь так называть?). Повествование в этих местах становится невыносимо тяжёлым, вязким. Много натуралистических подробностей в изображении первого боя Николая Плужникова. Мы видим бой его глазами, все эти страшные подробности выхватывает сознание героя, ужасая, отталкивая и одновременно вызывая жгучее любопытство, как притягивает к себе что-то странное и противоестественное.

«...а из него кишки торчат. И вроде - дышат. Сами собой дышат, ей-богу!..»²²

«...увидел широкое, залитое кровью лицо, остро торчащие остатки зубов в раздробленной челюсти, кровавую слюну, распухший, вывалившийся язык и закричал. Он кричал тонко, визгливо, а немец, улыбаясь мертвой улыбкой, все волок его к себе и волок, и Плужников вдруг с поразительной ясностью понял, что это - смерть, и сразу вспотел, и продолжал визжать...»²³

«Я ему жилу перерубил. Жилу подрезал, как телку. Тут, на шее, место такое...»²⁴

Даже в романе «В списках не значился», где действующим лицом выступает мужчина и вся сюжетная линия держится на нём, обращаясь к натуралистической образности, Васильев верен себе, опять здесь прослеживается тема женщины на войне, он изображает женское страдание. И это очередной приговор автора этой ненужной войне! Беспощадно избиваемая еврейская девушка Мирра, инстинктивно прикрывая живот, в котором уже живёт малыш, не чувствовала боли.

«Она ещё ползла, когда её дважды проткнули штыком, и эта двойная пронзительная боль была первой и последней болью, которую она

---

²² Васильев, Б. Л. В списках не значился / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 286 с.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

почувствовала и приняла всем своим хрупким и таким ещё тёплым телом. Яркий свет полыхнул перед её крепко зажмуренными глазами, и в этом беспощадном свете она увидела вдруг, что у неё уже никогда не будет ни маленького, ни мужа, ни самой жизни. Она хотела закричать, напрягаясь в последнем животном усилии, но вместо крика из горла хлынула густая и вязкая кровь. Уже теряя сознание, уже плывя в липком и холодном предсмертном ужасе, она ещё слышала удары, что сыпались на её плечи, голову, спину. Но её не били, а – ещё живую, торопясь, – заваливали кирпичом в неглубокой воронке за оградой Белого дворца.»²⁵

Здесь, как и в «Зорях...», прослеживается горькая, тревожащая душу, авторская мысль о том, что вместе с девушкой умирает и её будущее, обрывается «тонкая ниточка в пряже человеческого бытия», не родит она своего ребёночка, её род прервался на ней. Сколько ещё таких ниточек оборвала война!

Эта страшная картина смерти становится ещё трагичнее, когда автор переводит своё внимание на главного героя, который искренне радуется, что у Мирры получилось выбраться из крепости, что она и ребёнок в относительной безопасности, что они будут жить. Глаза стали плохо видеть, и он не сумел разглядеть страшного действия казни, надеясь, что у неё получилось выбраться благополучно.

В повестях Бориса Васильева, как и в других произведениях «лейтенантской» прозы, присутствует парадоксальная острота коллизий. Герои открывают прелесть жизни в ситуации, не располагающей к этому, противоестественной, в ситуации, когда жизнь висит на волоске. В «Зорях...» боец Гурвич, стоя на посту, где ей приказано было наблюдать, читает вслух стихи, чем приводит Федота Евграфыча в замешательство. Он не понимает: *«Кому читаешь-то? – Никому. Себе. – А чего ж – в голос? – Так ведь стихи...– Аааа...»*²⁶. Не понимает, что на войне могут быть такие

---

²⁵ Васильев, Б. Л. В списках не значился / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 286 с.

²⁶ Васильев, Б. Л. А зори здесь тихие / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 191 с.

простые вещи, как стихи. Не понимает, зачем читать их вслух, когда тебя в любую минуту может услышать неприятель. А для неё, для Сони, это так же естественно, как дышать...

Особенным способом концентрации противоборства жизни и смерти в «лейтенантской прозе» выступает любовь. И Борис Васильев не оригинален в этом. Когда любить как не в этом возрасте, когда жизнь вот – вот может прерваться!

В повести «А зори здесь тихие» тема любви представлена автором по – разному, ведь героини – женщины, и им любовь необходима как воздух, и совершенно не важно, что идёт война. Это и яркая, запретная любовь красавицы Женьки Комельковой, и зрелая любовь Риты Осяниной к своему погибшему мужу, и самая трогательная, ещё только – только зарождающаяся любовь Лизы Бричкиной к старшине. Её, эту любовь, она ждала с самого детства.

В романе «В списках не значился» Николай Плужников и Мирра, девушка-хромоножка, с детства привыкшая считать, что недостойна любви, не смеяшая даже мечтать о ней, как все остальные девчонки, впервые испытывают чувство любви в условиях, казалось бы, совсем для этого невозможных. Но война обостряет чувства людей, и если человек полюбил, то это чувство было намного сильнее, чище и искреннее, чем в мирное время. *«Меня никто никогда не целовал. А наверху – война. А я такая счастливая, такая счастливая, что у меня сердце сейчас разорвётся!»*²⁷ Но недолго они наслаждались этим новым для них чувством, им пришлось расстаться, когда их любовь дала вполне ожидаемый результат, и Мирра больше не могла оставаться в крепости. Но вместо счастья лейтенант почувствовал страх, леденящий страх одиночества. Но по-другому было нельзя.

«Маленький должен родиться, Коленька, должен: он ни в чём не виноват перед людьми. И должен родиться здоровеньким, обязательно здоровеньким, а здесь... Здесь я каждую секунду чувствую, как убывают его

---

²⁷ Васильев, Б. Л. В списках не значился / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 286 с.

*силы. Его силы, Коля, уже не мои, а его! Каждой женщине Бог даёт немножечко счастья и очень много долга. А я была счастлива. Я так была счастлива, как не может быть счастлива никакая другая женщина во всём мире, потому что это счастье дал мне ты, ты один и только мне одной. Дал вопреки войне, немцам, вопреки моей судьбе, вопреки всему на свете! Я знаю, что тебе тяжелее, чем мне, ты остаёшься один, а я уношу с собой кусочек твоего будущего. Я знаю, что сейчас самые страшные часы нашей жизни, но мы должны, мы обязаны пережить их, чтобы жил он, наш маленький.»*²⁸

Обычное явление (рождение ребёнка) в мирное время, на войне приобретает трагический оттенок. Разве возможно рождение нового человека в условиях, когда каждый день приходится убивать себе подобных? Эти условия противоестественные самой жизни.

Для «лейтенантской прозы» был характерен перенос центра тяжести с внешнего конфликта на внутренний, и это явление очень ярко представлено в творчестве Бориса Васильева. Для автора важны не столько происходящие события, военные действия, сколько внутренняя работа человека, его борьба, смятение, противоречия. Каждый его герой раз за разом становится перед нравственным выбором: как поступить? И каждый выбирает свой путь: поступить по совести, жертвую собственной жизнью, или наплевать на неё, спасая собственную шкуру. Безымянный фельдшер из «В списках не значился» до последнего отдавал свой долг раненым защитникам Брестской крепости. Истощённый голодом и обезвоживанием, он упрямо выполнял свой долг до последнего, даже тогда, когда был отдан приказ выбираться, кто как может, он и не подумал о том, что может оставить своих пациентов, ведь это значило спасти свою шкуру, а их бросить здесь всех умирать. Лейтенант Плужников, который десять месяцев вёл ожесточённое сопротивление, защищая Брестскую крепость, становится перед страшным решением: как поступить с Федорчуком, который не выдержал, трусил, поддался на

---

²⁸ Васильев, Б. Л. В списках не значился / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 286 с.

уговоры немцев, обещавших «райскую жизнь»? И он, не раздумывая, не медля, стреляет ему в спину, чётко деля людей на своих и предателей. И Мирра, понявшая всю тяжесть его поступка, жалеет не Федорчука, а его. Жалеет и ужасается тяжести совершенного. Много горьких и тяжёлых решений придётся ещё принять героям романа. Но всегда главным их ориентиром, как и во всех других произведениях Б. Васильева, главным критерием поступка будет оставаться Добро. Оно выступает здесь как нравственная категория, мерило всех поступков и мыслей.

В «Зорях» внутренние конфликты тоже превалируют над внешними.

Очень чёткий по своим посылам и конечным результатам подвиг старшины и его отряда раскрывается в повести как поступок необычайно благородный и самоотверженный по своим мотивам, как талантливо выполненная военная операция и одновременно как трагедия, неизбежная в условиях войны, где человеческая жизнь обесценивается именно тем, что она каждую минуту зависит от случайностей, смерч которых настигает даже такую мирную точку, как 171-й разъезд.

Судьбы пяти девушек попадают в руки хозяина, зоркого, доброго и предусмотрительного до скрупулёзности [42]. Хозяйское тщание Васкова, написанное очень подробно и в то же время сжато и напряжённо, это, пожалуй, наиболее важная художественная удача автора. Жизнестойкость старшины Васкова, как пулями изрешечённая лихой военной случайностью, оказывается непоколебимой, но в то же время бессильной заслонить тех, кого она хотела заслонить.

Да, всё, казалось бы, знакомо в старшине Васкове: и склад характера, и авторское преклонение перед ним, и та интонация, с какой написаны микроработы одного, правда, не рядового дня Федота Евграфыча Васкова. Новое заключается в той графической обострённости, с какой выявлен поединок этого человека с той лавиной войны, которая на него обрушилась, как поединок силы созидательной и силы неизбежно разрушительной, поединок, по своему существу выходящий за рамки даже такой

маловероятной операции, когда пять слабо вооружённых девушек и один старшина победили шестнадцать вооружённых до зубов немцев.

За плечами Васкова десять лет армейской службы, лесной опыт профессионального охотника и знание здешних мест, которые знакомы Васкову ещё с финской кампании. У девушек – ни житейского, ни воинского опыта. У трёх – ненависть и месть за погибшие семьи. У четвертой – Гали Четвертак – детдомовское детство, сделавшее её лёгкой на подъём и довольно безразличной к тому, где жить и быть.

Отличавшаяся неуёмной мечтательностью с детства, она и на войну пошла, будто погрузилась в очередную свою фантазию. Для пятой, Лизы Бричкиной, выросшей в одиночестве отцовского дома, в оторванной от людей маленькой усадьбе лесника, война была страстно желаемым выходом в большую жизнь, где можно было найти всё, даже семью построить. Она пропала в болоте, потому что, забыв осторожность, ушла в свои мысли о Васкове, который был так понятен ей и доверие которого было для неё живой радостью.

За пятью смертями стоит пять жизнеописаний. И хотя судьбы всех пятерых очень различны, хотя зрелая ненависть Риты Осяниной, офицерской жены, у которой муж был убит на границе в первые же дни войны, несравненно более надёжный душевный капитал, чем химеры бесприютной Гали Четвертак; хотя немислимой красоты Женька Комелькова встречает жизнь смело, в лоб, а книжница Соня Гурвич до сих пор кажется зажатой в те глухие, тяжёлые платья, которые доставались ей многократно перешитыми в небогатой семье её отца, честного минского врача; хотя Лиза Бричкина может посостязаться с Васковым в чуткости к лесной опасности, что в описываемой информации было оружием очень реальным, – все они беззащитны перед лицом войны [41], не только перед её невзгодами и её пулями, но перед всей структурой этой жизни. И такими описывает их Б. Васильев.

Борис Васильев очень основательно подходит к своим героям, строит своё повествование, ориентируясь на их внутренний мир, уделяя ему наибольшее внимание. Рисуя образ своего героя, автор не скупится на мелкие детали, казалось бы, незначительные подробности биографии, не забывает рассказать о милых девичьих привычках и пристрастиях, о тайных мыслях и сильных желаниях, ведь все эти характеристики служат для раскрытия характера героя, для постижения его миропонимания и мироустройства. Но самое главное, делая акцент на отдельно взятом человеке, Васильев рассматривая его в неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего. И главный вопрос, который заботит как автора, так и его героев: какое это будет будущее? И будет ли оно вообще? Не прервётся ли тонкая нить в пряже человеческого бытия? Сложное решение придётся принять старшине: остаться и не пропустить немецких диверсантов к железной дороге. Знал ли он, что этим решением погубит жизни пяти молоденьких девчонок? Мог ли он, за долгие годы привыкший жить по уставу и подчиняться приказам, поступить по-другому?

Горьки размышления Федота Евграфыча над умирающей Ритой Осяниной:

«- Положил ведь я вас, всех пятерых положил, а за что? За десяток фрицев? – Ну зачем так... Всё же понятно, война... - Пока война – понятно. А потом, когда мир будет? Будет понятно, почему вам умирать приходилось? Почему я фрицев этих дальше не пустил, почему такое решение принял? Что ответить, когда спросят: что же это вы, мужики, мам наших от пуль защитить не могли? Что ж это вы со смертью их оженили, а сами – целенькие? Дорогу Кировскую берегли да Беломорский канал имени товарища Сталина? Да там ведь тоже, поди охрана, там ведь людишек куда больше, чем пятеро девчат да старшина с наганом! – Не надо, - тихо сказала она. – Родина ведь не с каналов начинается. Совсем не оттуда. А мы её защищали. Сначала её, а уж потом – канал.»²⁹

---

²⁹ Васильев, Б. Л. А зори здесь тихие / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 191 с..

Война заставляет людей взглянуть на мир и себя в нём совершенно по-иному. То, что раньше так много значило, сейчас утрачивает своё былое значение, и наоборот, то, что раньше виделось чем-то абстрактным, необъятным, становится вдруг до боли конкретным, зримым и осязаемым, а главное, очень дорогим и важным. Понятие Родины приобретает под пером писателей – фронтовиков совершенно особенное значение [17]. Каждый куст, каждая тропка, каждый клочок земли становится необыкновенно близким, родным, нуждающимся в защите. Оттого старшине Васкову кажется, что та позиция, которую занимают он и его девчонки, – самая важная. И такое чувство испытывает он, словно за его спиной вся Россия сошла, словно он был сейчас её последним сыном и защитником. И будто нет во всём мире больше никого – лишь он, его маленький отряд держат свой фронт, свою Россию держат. Писатель пытается передать схожее чувство своих героев: до предела обострённую ответственность каждого человека за страну в целом, за её судьбу. И ещё одно качество отличает героев повести: самозабвенная любовь к жизни, упоение ею и вместе с тем осознанная готовность идти на всё во имя Родины.

Обострённое чувство любви к Родине, глубокое понимание своего долга перед ней встречаем мы и в романе «В списках не значился». Перед нами уже не романтичный мальчишка, представляющий, как он расскажет о своих подвигах близким, а уверенный в себе и в своей правоте мужчина, чётко осознающий, что обрекает себя на смерть, но не испытывая при этом чувства страха. Его личность вырастает до высокого понимания своего предназначения, до мужественного подвига. Здесь же мы находим и осознание героем неразрывной связи времен, он включает себя в исторический контекст жизни.

«Он лежал и спокойно думал, что ничего уже не боится – ни немцев, ни смерти, ни холода. Он уже не ощущал своего «я», он ощущал нечто большее: свою личность. Свою личность, ставшую звеном между прошлым и будущим его Родины, частица которой грела его грудь благородным

шёлком знамени. И спокойно сознавал, что никому и никогда не будет важно, как именно звали эту личность, где и как она жила, кого любила, где и как погибала. Важным было одно – важным было одно, чтобы звено, связывающие прошлое и будущее в единую цепь времени, было прочным. И твёрдо знал, что звено - это прочно и вечно.»³⁰

2.5 Особенности психологизма в произведениях Б.

Васильева

Поэтика «окопной» правды позволяет автору сконцентрироваться на состоянии души героя, на его внутреннем мире в переломный, самый важный этап его жизни. Проследить за тем, как меняется его герой, как растёт его характер, как становится шире и глубже его личность – вот задача автора. Этим и обуславливается локальность хронотопа произведений Бориса Васильева.

Время и место действия своей повести Борис Васильев определяет сразу, в первых абзацах, определяет с краткостью и энергией рапорта. Время – май 1942 года. Место – неведомый 171-й разъезд, в стороне от которого немцы круглосуточно бомбят мурманскую дорогу; на запад – позиционная война; на севере – ожесточённая война за морские пути; на юге – блокированный Ленинград. Название повести «А зори здесь тихие...» является откровенным контрастом и к этой общей картине событий, и к событиям самой повести [4]. И дальше, точно следуя заветам «лейтенантской прозы», Борис Васильев изобразит в своей повести один бой «местного значения», строго определит временной промежуток и количество действующих лиц.

Место действия романа «В списках не значился» ограничено территорией Брестской крепости, находящейся в окружении врага. Можно ли назвать героическую защиту Брестской крепости «боем местного значения»? С одной стороны, это звучит кощунственно, а с другой – очень долгое время считалось, что обороны Брестской крепости и не было, что её защитники

---

³⁰ Васильев, Б. Л. В списках не значился / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 286 с.

просто сдали крепость врагу, без боя. В то время никто и не догадывался, что защитники не сдаются, что крепость сражается и будет сражаться до последнего солдата. Время в романе Васильев ограничивает десятью месяцами тяжелейшей обороны.

Таким образом, можно сделать вывод, что локальность хронотопа как одна из особенностей фронтовой лирической повести присутствует в творчестве Бориса Васильева и составляет канву его произведений.

Человекоцентричный пафос произведений Б. Васильева прослеживается уже с первых страниц. Глубокое погружение в микромир своих героев позволяет автору охватить весь масштаб личности героя, изобразить его в разных жизненных ситуациях и помогает понять, почему в конечном итоге он поступает так, а не иначе. Автор не чурается изображения и мелких подробностей быта, считая, что и эти, на первый взгляд, незначительные подробности способны внести определённые акценты в характер героя.

Трогательная, несколько неуклюжая забота старшины о своих «подопечных» просвечивает сквозь ткань всей повести «А зори здесь тихие». И чем ближе мы к развязке, тем чище, ярче, теплее чувства героев. Трудности войны сплавляют чужих друг другу людей, заставляют посмотреть друг на друга под иным углом. Только в условиях войны можно доверить прикрывать свою спину от врагов и самому не раз стать спасителем... Ведь не зря к концу повести, растеряв всех своих бойцов, думая, что уж никого в живых не осталось, Федот Евграфыч совсем не в себе. И вдруг, услышав их голоса, со всех ног бросается к ним навстречу. Чувствуется, что за этим беспокойством скрывается не просто ответственность за жизни подчинённых, а искренняя человеческая боль за близких людей.

«Повисли на нём обе сразу, целуют – грязного, потного, небритого... Ну что вы, девчата, что вы... И сам чуть слезы сдержал. Совсем уж с ресниц свисали – ослаб, видно. Обнял девчат своих за плечи, да так они

втроём и пошли на ту сторону. А Комелькова всё прижаться норовила, по щеке колючей погладить. – Эх, девчонки вы мои, девчонки! Съели-то хоть кусочек, спали-то хоть вполглазика? – Не хотелось, товарищ старшина... – Да какой я вам теперь старшина, сестрёнки? Я теперь вроде как брат. Вот так Федотом и зовите. Или – Федей, как маманя звали...»³¹

Мы видим, насколько сильно привязался старшина к своим бойцам, чувствуем и искреннюю, неподдельную ответную любовь зенитчиц. Накал чувств и переживаний настолько силен, что позавидовали бы кровные родственники. Автор поднимает эмоциональный уровень произведения на такую высоту межличностных отношений, что полностью стирает рамки кровного родства, делая чужих друг другу людей невероятно близкими. Автор верен себе и изображаемым событиям, поэтому откровение героев не становятся для нас неожиданными, потому что этот сложный путь их отношений мы прошли вместе с ними. Автор последовательно проводит своих героев через испытания, и мы понимаем, почему вдруг «пенек замшелый: в запасе двадцать слов, да и те из уставов» и задиристые девчонки, отчаянно противящиеся уставному поведению, вдруг становятся одной семьёй.

Достаточно открыть роман «В списках не значился», как сразу же в глаза бросаются ужасающие подробности жизни заточённых в крепости людей, вынужденных бросать все свои силы на её оборону. Смерть, плавящиеся от жара кирпичи, запах заживо сожжённых людей, голод, постоянные увещевания немцев с приказами сдаться, а главное жажда (воды не было вообще, все подступы к ней простреливались врагом)... Всё это сводило с ума. Но Васильев описывает людей железной воли. Преодолевая боль, усталость, ежеминутно борясь с собственным страхом, герои романа самоотверженно бросаются к круглосуточно обстреливаемым подступам к воде, пытаясь в касках унести хотя бы несколько капель воды. Возвращались из этой операции лишь часть бойцов, остальные падали по дороге,

---

³¹ Васильев, Б. Л. А зори здесь тихие / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 191 с.

сражённые вражеской пулей, и, если им везло, успевали перед смертью сделать глоток воды. Но и эту, с таким трудом добытую воду, отдавали не раненым, не детям и не женщинам, а пулемётам. Крепость должна была сражаться, а для этого ей нужно было оружие... Но Васильев не делает из этих людей «героев», не идеализирует их... Каждый его герой ежеминутно ведёт бой ещё и с самим с собой... и кто из него выходит победителем покажет время...

2.6 Символические детали и образы в прозе Б. Васильева

Образ – символ, на который невозможно не обратить внимание, появляется уже в названии повести «А зори здесь тихие». Этот символ Васильев пронесёт через всю повесть. Война старшины Васкова и пяти его бойцов – «...это война в тишине» [42]. Уже в начале повести вкрадывается желанная непривычная тишина. Тишина как состояние окружающей среды, как показатель спокойствия и мира, война идёт, но где-то там, далеко, не здесь.

*«А здесь был курорт. От тишины и безделья солдаты млели, как в парной, а в двенадцати дворах осталось ещё достаточно молодых и вдовушек, умевших добывать самогон чуть ли не их комариного писка»*³². На сонном 171-м разъезде часто наступали тихие, безветренные дни. *«А зори здесь были тихими-тихими»*, начинает автор 3-ю главу. *«А ненавидеть она научилась тихо и беспощадно»*, – заканчивает Б. Васильев биографию младшего сержанта Осяниной. Тишина приобретает новую, трагическую окраску. Гулкая, настороженная, коварная, которая, чем глубже и затаённой, тем опасней.

Не грязь, не холод страшны были Лизе Бричкиной, отправившейся через топь к своим за помощью. *«Страшным было одиночество, мёртвая, загробная тишина, повисшая над бурым болотом»*³³. Над этим болотом потом долго звенел жуткий одинокий крик погибающего человека. Почему

---

³² Васильев, Б. Л. А зори здесь тихие / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 191 с.

³³ Васильев, Б. Л. А зори здесь тихие / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 191 с.

же эта тишина так пугает героев? Потому что в ней так легко почувствовать себя одиноким, предоставленным самому себе, покинутым всеми.

«Тихо-то как... - шёпотом сказала звонкая Евгения. – Как во сне.

– Монах тут жил когда-то, Легонт прозвищем. Безмолвие искал.

– Безмолвия здесь хватает, - вздохнула Гурвич.»³⁴

Тишина, безмолвие, тихие зори – всё это вырастает в повести до многозначного образа – символа. Причём, если в начале повести это была мирная тишина, спокойная, то с развитием сюжета она меняет свою коннотацию, становится опасной, таящей в себе врага, мёртвой. В этой звенящей тишине погибают все пять девушек.

«В этой тишине – угасшие крики героев, звенящая настороженность ещё неокончившейся битвы, мечта о покое и колыбель времени, смягчающая боль потерь. В этой тишине – гордое шествие непокорённой жизни.» [28]

Роман «В списках не значился» словно весь состоит из символов. Символично название романа. Герой так и погибнет неизвестным, не значившимся ни в одном списке. Герой прибывает в крепость поздним вечером, почти ночью, и его не успевают внести в список служащих в крепости. Но именно этот человек, который даже не успел доложить о своём прибытии начальству, возьмёт на себя ответственность за оборону крепости, именно он будет вести борьбу с врагом, он будет защищать эту крепость до самого конца, выжимая из себя все силы. А ведь он мог бросить всё и попытаться бежать, в той сумятице, что началась с наступлением немцев, никто бы и не заметил, что он не исполняет своих обязанностей. Его ведь нет в списках. Именно поэтому историки не могут найти никакой информации о его личности. Словно и не было этого человека, словно не воевал он десять месяцев в крепости...

Интересен символ Брестской крепости. Она предстаёт некой совокупностью всех её защитников. *«Крепость не пала. Крепость истекла*

---

³⁴ Там же.

кровью» – говорят герои романа. Крепость словно один живой организм умирала каждым своим солдатом. Капля за каплей уходила из неё жизнь.

Символичен и сам образ лейтенанта Плужникова. Он – символ непобедимости, стойкости духа, упорства, верности Родине. Его подвиг – пример высокого нравственного долга перед своей Родиной. Враги, многочисленные и сильные, не смогут справиться с одним уставшим русским бойцом. Перед нами воплощение русского национально характера с его нестигаемой силой воли, упёртостью, жгучей ненавистью к врагу и безмерной любовью к Отчизне. Он сражался до конца, своим примером воодушевляя других, невольно вызывая восхищение даже у врага. Не зря, немецкий лейтенант в конце романа, увидев седого, обросшего, почти слепого человека, отдаст команду, солдаты возьмут оружие «на караул» и даже немецкий генерал отдаст ему честь.

Ещё одна деталь – знамя полка, единственное знамя, которое потом найдут в крепости. Его на своём теле будет носить старшина Семишный, потом после своей смерти завещает его Плужникову. Это как раз пример конкретизации Родины, когда вдруг какой-то её предмет становится полным её воплощением. Плужников не просто берег кусок материи, он не давал врагу завладеть даже такой малой её (Родины) частью, как знамя.

«Святого не отдавай. Сдохни, а не отдавай!» – призывает старшина Семишный Плужникова. – С первого дня на себе ношу. – Голос старшины дрогнул, но он сдержал душившие его рыдания. – Знамя полка на мне, лейтенант. Его именем приказывал тебе. Его именем сам жил, смерть знал, до последнего. Теперь твой черед. Умри, но немцам не отдавай. Не твоя это честь и не моя – Родины нашей это честь. Не запятай, лейтенант.»³⁵

Знамя – символ доблести, чести и непобедимости русских войск. Коля сберёг знамя, оно не досталось врагу, а значит крепость не была взята, она не сдалась, не пала, она жила, и боролась, и била врага каждым своим бойцом. И умерла лишь с последним из них.

---

³⁵ Васильев, Б. Л. В списках не значился / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 286 с.

2.7 Эволюция военной прозы Б. Васильева. Роман – эпопея «Были и небыли»

Особого обстоятельного разговора требует диалогия Бориса Васильева «Были и небыли». Первая часть называется «Господа волонтеры», вторая – «Господа офицеры». Почему же мы выделяем этот роман отдельно? На это есть много причин, но основная и главная в том, что этот роман выносит имя Бориса Васильева из ряда писателей «лейтенантской прозы». Во-первых, жанр. Это уже не повесть и не рассказ, это роман–эпопея. Причём, роман – исторический. Во-вторых, автор уходит от темы Великой Отечественной Войны, перед нами другие войны – освободительная война против турецкого ига на Балканах и русско-турецкая война; события, происходящие в романе, охватывают семидесятые годы XIX века. В-третьих, это своеобразная семейная хроника, история одной семьи, древнего дворянского рода Олексиных. И наконец, совершенно чётко прослеживается иная, чем у писателей «лейтенантской прозы», задача автора – проследить «историю отваги, чести и достоинства верных сынов и дочерей навеки канувшей в Лету России. Ее более нет, и она никогда не возродится, но у потомков должен быть пример для подражания предкам своим»³⁶.

«Были и небыли» – это совершенно особый роман, открывающий целый цикл «Саги об Олексиных». «Серия романов о столетней истории одной семьи, а точнее — столетняя история возникновения, торжества и гибели русской дворянской интеллигенции». В этот цикл входят романы «Картёжник и бретер, игрок и дуэлянт: Записки прапрадеда», «Были и небыли», «Утоли моя печали», «И был вечер, и было утро», «Дом, который построил Дед», «Вам привет от бабы Леры».

«Сага об Олексиных», как негласно называет её Борис Васильев, автобиографична. Борис Васильев сам происходит из дворянского рода Алексеевых, именно историю своего рода, которую он постепенно узнавал из рассказов близких, выносит на суд читателей автор. В романе, который

---

³⁶ Васильев, Б. Л. Картёжник и бретер, игрок и дуэлянт / Б. Л. Васильев. М.: Вагриус, 2005. – 368 с.

вышел последним в этом цикле, но событийно стоящий первым – «Картёжник и бретер, игрок и дуэлянт: Записки прапрадеда», Борис Васильев обращается к читателю и рассказывает историю возникновения замысла всех романов, уделяя особое внимание первому – «Были и небыли». Смысл названия автор тоже определяет сам: «Название предупреждало, что автор, основываясь на фактическом материале («Были»), допускает и художественный домysel, поскольку пишет не историческую монографию, а исторический роман»³⁷.

Первая книга этого цикла («Были и небыли») выходит в печать в 1977 году, а последняя («Вам привет от бабы Леры») – в 1998. Больше двадцати лет ушло у автора на создание этого цикла.

Роман Бориса Васильева «Были и небыли» своими корнями уходит к традиционной русской классической литературе. Этот роман можно поставить в один ряд со знаменитыми романами-эпопеями Л.Толстого «Война и мир» и М. Шолохова «Тихий Дон».

Как мы уже упоминали, «Были и небыли» – это роман-эпопея. И это яркая, отличительная черта нового этапа творчества Бориса Васильева. Картины мирной жизни сменяются картинами военных действий, и на этой постоянной смене сюжетно-композиционных блоков и строится повествование романа. Здесь большое количество действующих лиц, в центре которых оказывается семья Олексиных. Автор сразу же знакомит нас с историей этой семьи, историей неординарной, даже скандальной: офицер из древнего дворянского рода, пусть и отставной, женится на обычной крестьянской девчонке. Событие по тем меркам немислимое, вызвавшее много пересудов. И вот в этом браке рождается десять детей. События романа начинают свой страшный бег со смертью матери.

Это событие стало отправной точкой распада семьи, дети расходятся каждый своей дорогой. Куда заведут героев душевные метания, поиски истины и счастья, с чем придётся столкнуться молодым людям на

---

³⁷ Там же.

выбранном пути, не пожалеют ли они о своём решении, останутся ли верны своему слову, долгу, что такое честь и совесть – на все эти вопросы пытается дать ответы Борис Васильев. Но кроме главных персонажей в романе огромное количество других действующих лиц, раскрытых автором с потрясающей полнотой и глубиной. Размах книги потрясает, потому что автор выписывает совершенно различные характеры, уделяя внимание и героям низких воинских званий, простым солдатам, и историческим личностям, таким как генерал Скобелев. Под пером Б. Васильева оживает Лев Николаевич Толстой и из исторической личности превращается в простого человека, со своими бедами и радостями, высокими философскими рассуждениями и мучительнейшими исканиями.

Главные герои романа «Были и небыли», как и герои «лейтенантской прозы», очень молоды. Они ещё только учатся жить, ищут свою дорогу, поэтому так много на их пути нелепых ошибок и болезненных разочарований. Ещё одно сходство героев романа со своими литературными предшественниками – обострённое чувство справедливости, чести, достоинства. Тогда как у героев «лейтенантской прозы» не было выбора – участвовать в войне или нет, так как война пришла в их дом, враг шел по их земле и уничтожал их родных и близких, то у героев романа «Были и небыли» такой выбор был! Никто не заставлял их ехать в чужую страну, бросаться на защиту чужого, хоть и братского, народа и отстаивать его интересы. Этот выбор они сделали сами. Переплетая судьбы людей разных национальностей, разных социальных положений, людей с разными жизненными ценностями и ориентирами, сталкивая друзей и врагов, автор пытается донести до нас что-то намного более важное, чем отдельно взятый человек, ту идею, ту мысль, что способна объединить всех этих непохожих друг на друга людей, заставить действовать сообща, даже тогда, когда это война на чужой территории. Но что особенно выделяется в романе – это то, что описывая исторические события общенародного значения, автор не забывает о конкретном человеке, попавшем в жернова истории. Роман «Были

и небыли» – это своеобразная песнь жертвенному человеческому подвигу. Читая роман, мы понимаем откуда берёт начало русский характер, почему в Великую Отечественную солдаты будут идти под пули, не жалея собственной жизни. Потому что русский человек впитал чувство долга и ответственности с молоком матери и с рассказов о предках. Важно, что Борис Васильев призывает нас забыть о межнациональной розни и судить человека по его поступкам.

«По всем канонам военного искусства турки должны были сбросить в воду первый эшелон, высадившийся на неудобный для атаки берег без артиллерийского сопровождения и даже без ружейной поддержки. Должны были — и не сбросили: Россия опять воевала не по правилам.

Не по правилам воевали русский дворянин Брянов и потомок шведов Тюрберт, украинец Ящинский и немец Фок, поляк Непокойчицкий и грузин Григоришвили и сотни других — русских и не русских — истинных сынов России. Созданный еще Петром Великим русский офицерский корпус был уникальным по своему многонациональному составу. В этом корпусе, спаянном дружбой, обостренным чувством долга и кастовой честью, никто не интересовался, откуда родом офицер, — интересовались его мужеством и отвагой, доблестью и благородством. И солдаты шли за ними в любой огонь, потому что огонь врага уравнивал солдата и офицера, создавая тот необычайный сплав, который никогда не могли понять никакие иноземные специалисты.»³⁸

История первого и последнего выстрела в этой войне гвардии подпоручика Тюрберта ещё одно тому подтверждение. Положить свою жизнь за единственный выстрел во врага достойно быть воспето. И вот здесь проза Васильева становится очень похожа на «лейтенантскую». Место действия и время – здесь и сейчас, один человек, один выстрел, один подвиг. Остального мира как будто не существует, это бой конкретного человека,

---

³⁸ Васильев, Б. Л. Были и небыли. Кн. 1. Господа волонтеры / Б. Л. Васильев. М.: АСТ: Астрель, 2010. – 668 с.

очень важный и решающий. Сделать выстрел из пушки, зная, что она не закреплена и тебя убьёт откатом, способен не каждый, но Васильев находит своего героя, воспекает его подвиг, и пытается донести до читателя, какие страшные жертвы приносили люди во имя победы. Отчаянный поступок Тюрберта спас жизни многих людей.

«А единственный картечный снаряд разорвался в цепи атакующих турок. Ликующий крик вырвался из пересохших глоток стрелков капитана Фока. В едином порыве они смяли растерявшихся аскеров, вырвались из смертного кольца и далеко отбросили противника от берега.»

Что ещё отличает этот роман от предыдущих произведений автора, так это его выношенная, выстраданная зрелость. Здесь Б. Васильев изображает человеческий подвиг не только как высшее мерило всех поступков, как нравственный эталон, но и как неизбежное убийство человечности в самом себе. Герои романа попадают в ситуацию, когда необходимо выбирать между большим и меньшим злом. Волей случая капитан Штоквич становится комендантом цитадели Баязет. Ему приходится взять на себя ответственность за жизни всех жителей крепости – от мирных людей до воинского состава. Но не это главное испытание, которому подвергнется капитан Штоквич. Ему придётся дважды вступить в спор с собственной совестью. Первый раз необходимо будет решить пропустить ли огромную армию Фаик-Паши мимо крепости, не оказав сопротивления, и тем самым дать противнику пробраться вглубь страны, либо заставить неприятеля повернуть всю свою мощь на маленькую, не готовую к обороне крепости и обречь всех её жителей и защитников на неминуемую смерть. Второй вопрос, который неминуемо встанет перед капитаном: как обернуть армию противника на крепость? Как заставить их атаковать? И здесь Штоквич, терзаемый совестью, принимает бесчестное с точки зрения всех мыслимых и немыслимых, гласных и негласных законов войны: он приказывает повесить парламентёра на воротах крепости, прекрасно понимая, что омывает себя вечным позором, но уповая

на то, что теперь Фаик-Паша точно не пойдёт дальше, пока заживо не сдерёт с него, капитана Штоквича, шкуру.

О цене победы заговорили ещё писатели «лейтенантской прозы», в этом романе автор продолжает их традиции, придавая войне необычайно трагическое звучание. Победа в любой войне, будь то русско-турецкая война или Великая Отечественная, – это миллионы человеческих жизней.

«Значит, когда гибнет человек, в его доме гаснет огонь, — думал он. — Как просто все: смерть — и потухший очаг. И нет тепла в доме. И женщины молча сидят у остывшего пепла и жуют хлеб, запивая холодной водой. И может быть, совсем не от бедности, а оттого, что не для кого более готовить обед. Сколько же мы потушили очагов и сколько еще потушим...»³⁹

Роман богат философскими рассуждениями. Их мы находим и во внутренней речи героев, и в авторских отступлениях, за ними всегда угадывается фигура Б. Васильева со своими представлениями о мире и человеке, о жизни и смерти, о долге и чести... все эти рассуждения имеют глубокий гуманистический пафос и сходятся в одном: неприятие войны всем человеческим естеством.

«Он шел и думал о том, что пахнет только чужая смерть и что эта чужая смерть и есть расплата за все. За ошибочные теории и фальшивые идеи, за просчеты политики и тупость правителей, за спровоцированную ненависть и фанатическую жестокость — за все, что есть преступного и подлого на земле, платят чужими жизнями и чужими смертями. За все — одна цена, потому что пахнет только чужая смерть, и запах ее никогда не достигает кабинетов, в которых решаются судьбы людей.»⁴⁰

Интересно, что война зримо и незримо присутствует и на страницах с повествованиями мирной жизни. Тогда как один из братьев лично знакомится со знаменитым генералом Скобелевым, другой слышит о нём

---

³⁹ Васильев, Б. Л. Были и небыли. Кн. 2. Господа офицеры / Б. Л. Васильев. М.: АСТ: Астрель, 2011. – 509 с.

⁴⁰ Там же.

своеобразную сказку, или даже былинку, из уст инвалида. Здесь герой – рассказчик, по воле автора, подражает сказителям. Это и плавная, словно текучая речь, и присказки, и традиционные сравнения. Именно в этот момент мы впервые заочно знакомимся с генералом Скобелевым.

«Был у нас полковник Скобелев Михаил Димитриевич — молодой, собой что богатырь: косая сажень. Ус аржаной, а глаза синие-синие и веселые — ну Бова-королевич, да и только!»⁴¹

Особую роль в романе играет категория памяти. Не забыт Николай Плужников, превратившийся в легенду, не забыты девчонки из повести «А зори здесь тихие». Помнят генерала Скобелева все солдаты, бывшие с ним в бою, помнит капитан Фок – и 40 с лишним лет не смогли стереть из его памяти подвиг капитана Брянова, спасшего ему жизнь... Уже после того как будет написан весь цикл романов об Олексиных, Васильев в предисловии к последнему, «Картёжник и бретер, игрок и дуэлянт: Записки прапрадеда», определит свою главную художественную задачу – сохранить для потомков пример для подражания предкам своим. Своеобразным гимном звучит фраза генерала Скобелева: *«Царь забыть может – Россия бы нас не забыла...»*

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Б. Васильев всю свою жизнь оставался верен военной теме, она красной нитью прошла через всё его творчество. Не важно, к какому времени обращался автор, будь то современность, советское время или Древняя Русь, война всегда незримо присутствует на страницах его произведений. Война как лакмусовая бумага даёт автору возможность показать человека с разных сторон. Война как своеобразный катализатор позволяет увидеть, на что способен человек в экстремальной ситуации, проявляет все скрытые, порой даже от самого человека, нравственные установки, которые, быть может, в мирной жизни никогда бы и не проявились. Но основная авторская мысль, которая прослеживается во всех его произведениях и которую он сам прочувствовал

---

⁴¹ Васильев, Б. Л. Были и небыли. Кн. 1. Господа волонтеры / Б. Л. Васильев. М.: АСТ: Астрель, 2010. – 668 с.

каждой клеточкой своего тела в Великую Отечественную войну – война – это событие, которое беспощадно калечит человеческую душу, ломает судьбы и несмываемым кровавым пятном навсегда остаётся в истории.

Очень трепетно относясь к истории, и в частности к истории родной страны, Борис Васильев последние годы своей жизни посвятит историческим романам о Древней Руси [45]. Он напишет целый цикл «Романы о Древней Руси», в который войдут: «Вещий Олег», «Ольга, королева русов», «Князь Святослав», «Владимир Красное Солнышко», «Александр Невский», «Государева тайна» и «Владимир Мономах».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате предпринятого анализа сделаны следующие выводы:

1) Особенности фронтовой лирической повести являются следующие: героем обычно выступает молодой человек, вчерашний школьник или бывший студент; натуралистическая образность как важнейший способ добывания истины; парадоксальная острота коллизий; перенос центра тяжести на внутренний конфликт, имеющий нравственный характер; поэтика окопной правды; добро как главный критерий поступка; локальность хронотопа; повышенная роль деталей в повествовании.

2) Путь Бориса Васильева к военной прозе был долгим. Ему, как и многим писателям лейтенантской прозы, понадобилось время, чтобы обрести целостное миропонимание, осознать, основываясь на личном опыте, свою точку зрения на войну.

3) В основе сюжетов проанализированных нами произведений лежат реальные исторические события. Героями его произведений являются молодые люди, едва перешагнувшие порог зрелости. Васильев ставит их в такие жизненные ситуации, в которых они нравственно взрослеют, начинают понимать ценность жизни и берут ответственность за чужую жизнь.

4) Борис Васильев один из немногих поднимает тему женщины на войне в повести «А зори здесь тихие», а также неоднократно обращаясь к этой теме в других своих произведениях («В списках не значился», «Были и небыли»).

5) Следуя традиции лейтенантской прозы, автор уделяет большое внимание внутреннему миру героев, рассматривая его в неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего.

6) Б. Васильев пытается избегать натуралистической образности, что отличает его от других представителей «лейтенантской прозы». Описывая смерть, автор обращается к переживаниям своего героя в самый последний миг их жизни. Но и он не может не обращаться к натуралистическим подробностям, описывая военные действия.

7) Васильев показывает, как на войне происходит эмоциональное постижение понятия Родины. Каждый куст, каждая тропка, каждый клочок земли становится необыкновенно близким, родным, нуждающимся в защите. Родина – великая и необъятная – предстаёт до боли конкретной, зримой, неповторимой.

8) Яркая символичность, присущая фронтовой лирической повести нашла своё отражение в творчестве Б. Васильева. Это символ тишины в «Зорях», это Крепость, сравниваемая Васильевым с живым организмом, Знамя, являющееся символом верности, патриотизма, сам герой в романе «В списках не значился» тоже становится символом непобедимости, стойкости, упорства.

9) В дилогии «Были и не были» автор отходит от темы Великой Отечественной Войны, перед нами освободительная война против турецкого ига на Балканах и русско-турецкая война XIX века. Это семейная хроника, история древнего дворянского рода Олексиных. Задача автора – проследить «историю отваги, чести и достоинства верных сынов и дочерей навеки канувшей в Лету России. Ее более нет, и она никогда не возродится, но у потомков должен быть пример для подражания предкам своим».

10) Б. Васильев всю свою жизнь оставался верен военной теме, она красной нитью прошла через всё его творчество. Не важно, к какому времени обращался автор, будь то современность, советское время или Древняя Русь, война всегда незримо присутствует на страницах его произведений.

Обзор программ по литературе показал, что творчество Б. Васильева в школе изучается мало, поэтому в рамках элективного курса мы разработали комплекс уроков по творчеству Б. Васильева. В него входят три урока: «Нравственные уроки Бориса Васильева», «Кем же они не стали?», «Россия – это мы».

1 Занятие: «Нравственные уроки Бориса Васильева»

(Приложение 1)

Это вводное занятие, на котором дети знакомятся с автором – Борисом Васильевым и его романом «В списках не значился». В сюжете романа Бориса Васильева лежит легенда о неизвестном защитнике Брестской крепости, которого удалось взять только через 10 месяцев ожесточённого сопротивления. Борис Васильев покажет русского солдата, до конца отдавшего долг своей Родине. Покажет солдата, чьим мужеством и героизмом восхитятся и немецкие солдаты. И даже немецкий генерал, чуть подумав, поднимет руку к фуражке. Для образования у детей мнения об авторе мы неоднократно обращаемся также к его автобиографической повести «Летят мои кони».

На этом занятии мы вспоминаем о первом дне Великой Отечественной войны, о нападении на Брестскую крепость и её героических защитников. Обращаемся к рассказам историков и музейных работников Брестской крепости (видеоролики).

На протяжении занятия неоднократно звучит выразительное чтение учителя и уже подготовленное выразительное чтение учеников. Живое слово всегда производит сильное впечатление, особенно на детей. Понятно, что этот урок необходимо готовить заранее, помогать детям вникнуть в суть текста, понять, какую манеру исполнения им выбрать, какие места интонационно выделить и т.д., т.е. провести с ними полноценную работу по художественному слову.

На занятии мы вместе с детьми проследим психологическое состояние людей накануне войны и в первый, самый страшный день, что, по нашему мнению, представляет большой интерес. А легенда, лежащая в основе произведения вызовет подъём патриотического чувства школьников.

2 Занятие: «Кем же они не стали?»

(Приложение 2)

На этом занятии мы продолжаем знакомство с творчеством Бориса Васильева. Тема занятия отталкивается от авторского высказывания:

«Порой я с густой горечью думаю, кем мы не стали. Мы не стали Пушкиными и Толстыми, Суриковыми и Репиными, Мусоргскими и Чайковскими, Баженовыми и Казаковыми. Мы не стали учеными, инженерами, рабочими, колхозниками. Мы не стали мужьями, отцами, дедами. Мы стали ничем и всем: ЗЕМЛЕЙ. Потому что мы стали солдатами»⁴².

На этот раз мы уделяем внимание самому известному произведению Бориса Васильева – повести «А зори здесь тихие...» Как и на первом занятии здесь прозвучит большое количество отрывков из текста. Дети послушают выразительное чтение учителя, а также сами примут участие в подготовленном чтении. Помимо текстов автора на занятии прозвучат также и стихи Ю. Друниной и В. Майорова.

На уроке очень много эмоциональных пиков: это, конечно же, выразительное чтение, а также эпизоды из обоих фильмов, снятых по этой повести. Самым ярким, на наш взгляд, является последний – отрывки из нового фильма «А зори здесь тихие...», наложенные на очень трогательную песню группы «ЛЮБЭ» «А зори здесь тихие, тихие...», написанную специально для этого фильма.

Мы предполагаем, что это занятие должно пробудить в детях нравственно-патриотические качества, вызвать чувство гордости за своих предков, за свою страну и её великую, но горькую, историю.

3 Занятие: «Россия – это мы...»

(Приложение 3)

Ещё один урок, направленный на изучение творчества Бориса Васильева. Отличие этого занятия от двух других заключается, во-первых, в том, что мы обращаемся не к теме Великой Отечественной войны, а к русско-турецкой войне 1877-1878 годов, а во-вторых, в том, что мы уделяем внимание не всему произведению «Были и не были» (так как объём текста

---

⁴² Васильев Б. Л. Летят мои кони / Борис Львович Васильев – М.: Астрель, 2010. – 384 с.

слишком велик, он насыщен огромным количеством действующих лиц и переплетением сюжетных линий), а отдельно взятому фрагменту. Это отрывок текста рассказывает о героическом подвиге гвардии подпоручика Тюрберта во время русско-турецкой войны. Вместе с детьми мы подробно разбираем характеры героев, мотивы их поступков, обращаемся к деталям.

В ходе урока должна образоваться ситуация диалога. У детей есть возможность высказать и отстаивать собственную точку зрения. Одной из главных задач этого урока мы видим в развитии монологической речи учащихся, а также в умении слышать и слушать друг друга.

На уроке задействованы как учитель, так и дети (участие в подготовленном выразительном чтении). Используются мультимедийные средства (видеоролик о патриотизме в конце урока). Ролик должен вызвать у детей эмоциональный отклик, заставить задуматься о том, что гордиться можно не только прошлым, но и настоящим: победами спортсменов, научными достижениями, красотой родной земли и т.д.

В целом же, все эти уроки направлены на воспитание нравственно-патриотических чувств у старших школьников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакланов, Г. Я. Пядь земли / Г. Я. Бакланов. М.: Советская Россия, 1980. – 384 с.
2. Беляков, С., Рудалёв, А. «Асан»: pro et contra / С. Беляков, А. Рудалёв // Вопросы литературы. – 2009. – № 5. – С. 6.
3. Бондарев, Ю. В. Батальоны просят огня. Последние залпы / Ю. В. Бондарев. Белгород: Клуб семейного досуга, 2015. – 416 с.
4. Борисова, И. Напоминание / И. Борисова // Новый мир. – 1969. – № 12. – С. 245–249.
5. Буй, Т. Д. Опыт художественного постижения мира личности в прозе о Великой Отечественной войне (А. Фадеев, В. Быков, Б. Васильев) и его значение для литературы Вьетнама: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Т. Д. Буй. – М., 1994. – 224 с.
6. Васильев, Б. Л. Летят мои кони / Б. Л. Васильев. М.: Астрель, 2010. – 384 с.
7. Васильев, Б. Л. Были и небыли. Кн. 1. Господа волонтеры / Б. Л. Васильев. М.: АСТ: Астрель, 2010. – 668 с.
8. Васильев, Б. Л. Были и небыли. Кн. 2. Господа офицеры / Б. Л. Васильев. М.: АСТ: Астрель, 2011. – 509 с.
9. Васильев, Б. Л. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт / Б. Л. Васильев. М.: Вагриус, 2005. – 368 с.
10. Васильев, Б. Л. В списках не значился / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 286 с.
11. Васильев, Б. Л. А зори здесь тихие / Б. Л. Васильев. С-Пб.: Лениздат, 2014. – 191 с.
12. Васильев, Б. Л. Тема должна быть больше сюжета / Б. Л. Васильев // В мире книг. – 1979. – № 5. – С. 3.
13. Васильев, Б. Л. Память / Б. Л. Васильев // Труд. – 1980. – № 2. – С. 2.

14. Васильев, Б. Л. В начале была война / Б. Л. Васильев // Советская драматургия. – 1985. – № 1. – С. 4.
15. Васильев, Б. Л. И подвиг в душе взрастить / Б. Л. Васильев // Красная звезда. – 1988. – № 4. – С. 6.
16. Внуков, Н. А. Наша восемнадцатая осень / Н. А. Внуков. М.: Речь, 2015. – 208 с.
17. Генатулин, А. Кремнистые дороги военной прозы / А. Генатулин // Дет. Лит. – 1990. – № 5. – С 10.
18. Гуральник, З. Е. Поэтика военной прозы Б. Васильева в историко-литературном контексте 60 – 70-х гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / З. Е. Гуральник. — Л., 1990. – С. 12.
19. Гутов, А. Круглый стол «Великая Отечественная война в современной литературе». Ч. I. / А. Гутов // Литература. – 2015. – № 51. – С. 5.
20. Давыдюк, Е. В. «Лейтенантская проза» 50 – 60-х гг. Споры об окопной и масштабной правде. Доклад для участия в работе круглого стола «Этих дней не смолкнет слава» / Е. В. Давыдюк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://netnado.ru/lejtenantskaya-proza/page-1.html> (дата обращения: 12.04.2018).
21. Дементьев, А. Д. Пути доброты. Вступительная статья к книге Б. Васильева «Избранное в 2-х томах» / А. Д. Дементьев. М.: Худож. лит, 1988. – 561 с.
22. Елтонская, А. Урок-исследование «Нравственная проблематика повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...» / А. Елтонская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.calameo.com/books/0011882172d79fbe79b76> (дата обращения: 12.10.2018).
23. Журавлев, С. И. Память пылающих лет / С. И. Журавлев. М.: Просвещение, 1985. – 191 с.

24. Лазарев, Л. И. Это наша судьба: заметки о литературе, посвящённой Великой Отечественной войне / Л. И. Лазарев. М.: Советский писатель, 1978. – 288 с.
25. Лейдерман, Н. Л., Липовецкий, М. Н. Современная русская литература / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. М.: Academia, 2003. – 416, т. 1.
26. Леонов, Б. А. Утверждение: Героико-патриотическая тема в русской и советской литературе / Б. А. Леонов. М.: Худож. лит., 1988. – 381 с.
27. Литовская, М. А., Чжу Ихань. Повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие» глазами читателя из Тайваня / М. А. Литовская. Чжу Ихань // Филологический класс. – 2016. – № 3. – С. 75–80.
28. Логинов, И. Сестра твоя – жизнь / И. Логинов // Учительская газета. – 1970. – № 11. – С. 4.
29. Ломидзе, Г. И. Нравственные истоки героического / Г. И. Ломидзе // Литературная Россия. – 1970. – № 16. – С. 4 – 6.
30. Лыженкова, О. Д. Они отдали жизнь за Родину: повесть Б. Васильева «Они сражались за Родину» / О. Д. Лыженкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://algschool-2.ucoz.ru/razrabotki/lizhenkova/Rod.doc> (дата обращения: 12.10.2018).
31. Майорова, А. Н. Урок-размышление по повести Б. Васильева «А зори здесь тихие» / А. Н. Майорова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/509444/> (дата обращения: 25.05.2018).
32. Некрасов, В. П. В окопах Сталинграда / В. П. Некрасов. М.: Русская книга, 1995. – 368 с.
33. Окунев, И. Тема должна быть больше сюжета / И. Окунев // В мире книг. – 1979. – № 5. – С. 65 – 67.
34. Орлов, Д. Человек совести в бессовестное время / Д. Орлов // Век. – 1999. – № 19. – С. 11.
35. Полотовская, И. Л. В списках не значится: Васильев Б. Л. / И. Л. Полотовская // Библиография. – 2005. – № 2. – С. 75 – 88.

36. Проторская, Н. Мой парашют всегда раскрывался / Н. Проторская // Трибуна. – 2004. – № 5. – С. 5.
37. Саватеев, В. Ничто не бывает напрасным: по страницам военной прозы 1959 – 1960 / В. Саватеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://imli.ru/institut/sotrudniki/1071-savateev-vyacheslav-yakovlevich> (дата обращения: 15.03.2018)
38. Сима, Л. И. Разработка урока-конференции по литературе по книге Б. Васильева «А зори здесь тихие» / Л. И. Сима [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://videouroki.net/razrabotki/razrabotka-uroka-konferentsiipo-literature-po-knige-b-vasileva-a-zori-zdes-tikhie.html> (дата обращения: 25.05.2018).
39. Смирницкий, Я. Государству нечего делать в культуре / Я. Смирницкий // Россия. – 2002. – № 14. – С. 22.
40. Стародубец, А. Генеральский внук: беседа с писателем Васильевым Б. Л. / А. Стародубец // Учительская газета. – 2005. – №11. – С. 24.
41. Стародубец, А. И снова встречный бой / А. Стародубец // Труд. – 2004. – № 8. – С. 6.
42. Стародубец, А. Не тихие зори / А. Стародубец // Труд. – 2002. – № 4. – С. 10.
43. Толстой, И. Надо любить её и в шторм / И. Толстой // Диалог. – 1992. – №1. – С. 8 – 13.
44. Топоров, В. По мощам и елей / В. Топоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://actualcomment.ru/po_moshcham_i_eley.html (дата обращения: 29.05.2018).
45. Ульченко, Е. Борис Васильев: «Про войну я больше не пишу» / Е. Ульченко // Кн.обозрение. – 1999. – №26. – С. 7.
46. Фомичёва, Н. У истоков «лейтенантской прозы» / Н. Фомичёва // Литература. – 2007. – № 19. – С. 14.

47. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. М.: Высшая школа, 2002. – 405 с.
48. Хоботова, Л. Жизнь нас потрепала, но мы сдюжим / Л. Хоботова // Гудок. – 2001. – № 15. – С. 3.
49. Хрящева, Н. П. Этот запах был таким же (Ситуация возвращения с войны в рассказах 1940–80-х годов) / Н. П. Хрящева // Филологический класс. – 2010. – № 23. – С. 58–62.
50. Чередниченко, С. Круглый стол «Великая Отечественная война в современной литературе». Ч. I. / С. Чередниченко // Литература. – 2015. – № 51. – С. 10.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

«Нравственные уроки Бориса Васильева»

-Здравствуйте, ребята. Наверное, каждый посмотрев на доску и увидев тему нашего сегодняшнего занятия задался вопросом: кто такой Борис Васильев? Или я ошиблась, и вы все знаете, кто такой Борис Васильев и чем он знаменит?

(Дети отвечают на вопросы учителя. Учитель определяет уровень знаний школьников в этой области. Хорошо, если кто-то из детей имеет хоть какое-то представление об авторе, от этого легче будет оттолкнуться при беседе.)

«Я, Васильев Борис Львович,
родился 21 мая 1924 года в семье
командира Красной Армии в городе
Смоленске на Покровской горе...» - так начинает свою
автобиографическую повесть «Летят мои кони...» Борис Васильев.

Будучи сыном командира Красной армии, Борис Васильев с детства впитал в себя уважение к истории своей родной земли. Уже с детства он чувствовал неразрывную связь поколений. Ещё ребёнком понял он значение слова «Родина», для него это был «непустой для сердца звук». И Родина, большая и необъятная, начиналась для Васильева со Смоленска, с городка, где он родился и вырос.

«Мне сказочно повезло: я увидел свет в городе Смоленске. Повезло не потому, что он несказанно красив и эпически древен — есть множество городов и красивее, и древнее его, — повезло потому, что Смоленск моего детства еще оставался городом-плотом, на котором искали спасения тысячи терпящих бедствие. И я рос среди людей, плывущих на плоту.

Здесь победители роднились с побежденными, а пленные находили утешение у вдов; здесь вчерашние господа превращались в сегодняшних слуг, чтобы завтра дружно и упорно отбиваться от общего врага; здесь был край Ойкумены Запада и начало ее для Востока; здесь искали убежища еретики всех религий, и сюда же стремились бедовые москвичи, тверяки и ярославцы, дабы избежать гнева сильных мира сего. И каждый тащил свои пожитки, если под пожитками понимать национальные обычаи, семейные традиции и фамильные привычки. И Смоленск был плотом, и я плыл на этом плоту среди пожитков моих разноплеменных земляков через собственное детство.»

И когда пришла война, Борис Васильев, не раздумывая долго, отправляется добровольцем на фронт. Ему не было ещё и 18 лет. В 17 лет ему довелось увидеть ужасы войны, которые он не смог забыть уже никогда. Через всю свою жизнь пронесёт он это знание войны, эту горькую правду, открывшуюся ему ещё мальчишкой.

- Как вы думаете, что заставило Бориса Васильева пойти на фронт? Его и ещё многих других его одногродок? Что толкнуло этих мальчишек, ваших ровесников, принять такое ответственное решение? Ведь не зря я начала наш разговор воспоминаниями Васильева о родном городе. Не это ли толкнуло его на этот шаг? Не ответственность ли легла на плечи будущего писателя? Ответственность за родной город и всех его жителей, ответственность за жизни матери и отца, бабушки? Не понимание ли того, что от него зависит их будущее, их свободное и мирное будущее?

(Беседа с учениками)

Борис Васильев – участник Великой Отечественной, затем – кадровый военный и потому солдатскую долю испил до конца. Он наделён обострённым чувством трагического, ибо его жизнь, как и жизнь его сверстников, была под прицелом смерти.

Давайте ещё раз обратимся к его автобиографической повести «Летят мои кони...»:

«В воскресенье 22 июня 1941 года я с Колей и еще с двумя ребятами из нашего класса бежали купаться на реку Воронеж. На углу Комиссаржевской и Энгельса нас застигла гроза; ближе всего оказался навес над подъездом бывшей нашей школы № 54. Мы спрятались под ним и громко вопили от восторга перед ливнем, громом и молниями. А потом открылась дверь, и вышел директор Николай Григорьевич, которого мы когда-то так боялись. Лицо его было серым. «Мальчики, — сказал он. — Война, мальчики». А мы заорали «ура!»».

Из четырех семнадцатилетних парнишек, глупо оравших «ура!» в день начала Великой Отечественной войны, в живых остался я один.

Моего друга звали Николаем Петровичем Плужниковым, у него была сестра Вера, и я назвал его именем одного из первых своих героев — героя романа «В списках не значился». Мне необходимо было положить свой венок на могилу самого близкого друга моего...» - вспоминает Борис Васильев.

Итак, сегодня я хочу познакомить вас с романом Бориса Васильева «В списках не значился». Но прежде чем мы перейдём непосредственно к тексту давайте немного вспомним историю.

Все знают, что 22 июня 1941 года без объявления войны фашистская Германия напала на Советский Союз. Но помните ли вы кто принял на себя первый огонь? Где начался этот ад, затянувшийся на целых четыре года?

Да, именно Брестская крепость стала теми воротами, что необходимо было отворить немцам, для дальнейшего захвата Советского Союза. Именно они, жители Брестской крепости, первые встретились с войной лицом к лицу. Эта ночь 41 станет самой длинной в жизни миллионов людей, для кого-то последней.... Но сегодня об этом не хочется думать...

В первые же часы боя крепость оказалась отрезанной от города. Связи между отдельными группами защитников нет, нет её и с внешним миром. Как защищаться каждый решал в одиночку. Десятки людей вступали в бой полуодетыми, не выспавшимися, взяв в руки винтовку у убитого бойца. Против защитников крепости используют оружие всех видов: от авиации до огнеметов. Некоторых немцы буквально выбивали из укрытий. А когда их попытки овладеть бастионами проваливались, приблизиться к их стенам немцы пробовали под видом мирных жителей, в гражданской одежде.

Давление на психику было непрерывным. Каждую минуту затишья включались агитационных машины. Гарнизону настойчиво предлагали сдаться. Но предателей в крепости единицы. Больше всего тех, кто решает сражаться до последней капли крови.

Продовольственная норма в крепости: сухарь в сутки, когда и это закончилось, перешли на комбикорм для лошадей. Его собирали прямо на полу в конюшни.

Жажда сводила с ума, водопровод был выведен из строя ещё в первые часы войны, люди слизывали капли воды со стен подвалов, высасывали кровь из собственных ран. Единственной возможностью добыть воду были реки Бук и Муховец. Всего лишь около пятидесяти метров, но немцы держали под прицелом подходы к воде днём и ночью. По сути это была дорога смерти. Только отчаянные решались добыть воду. Но добытая вода предназначалась прежде всего не детям, не женщинам, не раненым, а пулемётами. Они не могли работать без воды.

(видеоролик про крепость 1)

В 1974 году вышел в свет роман Бориса Васильева «В списках не значился». В центре его легендарная личность – лейтенант Николай Плужников, имя которого вообще не значилось в списке гарнизона, потому что он прибыл в Брест для прохождения службы в субботу, в самый канун войны, и не успел ещё представиться начальству. Первые разрывы застают его одного на ночной улице крепости. И в силу ряда обстоятельств он

оказался последним защитником, последним, кто покинул её подвалы. Изголодавшийся, расстрелявший все патроны, истекший кровью, ослепший, еле живой, но не побежденный.

(отрывок из текста Б.Васильева, выразительное чтение учителем)

«На крайнем западе нашей страны стоит Брестская крепость. Совсем недалеко от Москвы: меньше суток идет поезд. И не только туристы - все, кто едет за рубеж или возвращается на родину, обязательно приходят в крепость.

Здесь громко не говорят: слишком оглушающими были дни сорок первого года и слишком многое помнят эти камни. Сдержанные экскурсоводы сопровождают группы по местам боев, и вы можете спуститься в подвалы 333-го полка, прикоснуться к оплавленным огнеметами кирпичам, пройти к Тереспольским и Холмским воротам или молча постоять под сводами бывшего костела.

Не спешите. Вспомните. И поклонитесь. А в музее вам покажут оружие, которое когда-то стреляло, и солдатские башмаки, которые кто-то торопливо зашнуровывал ранним утром 22 июня. Вам покажут личные вещи защитников и расскажут, как сходили с ума от жажды, отдавая воду детям и пулеметам. И вы непременно остановитесь возле знамени - единственного знамени, которое пока нашли. Но знамена ищут. Ищут, потому что крепость не сдалась, и немцы не захватили здесь ни одного боевого стяга.

Крепость не пала. Крепость истекла кровью. Историки не любят легенд, но вам непременно расскажут о неизвестном защитнике, которого немцам удалось взять только на десятом месяце войны. На десятом, в апреле 1942 года. Почти год сражался этот человек. Год боев в неизвестности, без соседей слева и справа, без приказов и тылов, без смены и писем из дома. Время не донесло ни его имени, ни звания, но мы знаем, что это был русский солдат.

У входа в подвал стоял невероятно худой, уже не имевший возраста человек. Он был без шапки, длинные седые волосы касались плеч. Кирпичная пыль въелась в перетянутый ремнем ватник, сквозь дыры на брюках виднелись голые, распухшие, покрытые давно засохшей кровью колени. Из разбитых, с отвалившимися головками сапог торчали чудовищно раздутые черные отмороженные пальцы. Он стоял, строго выпрямившись, высоко вскинув голову, и, не отрываясь, смотрел на солнце ослепшими глазами. И из этих немигающих пристальных глаз неудержимо текли слезы.

И все молчали. Молчали солдаты и офицеры, молчал генерал. Молчали бросившие работу женщины вдалеке, и охрана их тоже молчала, и все смотрели сейчас на эту фигуру, строгую и неподвижную, как памятник. Потом генерал что-то негромко сказал.

- Назовите ваше звание и фамилию, - перевел Свицкий.

- Я - русский солдат.

Голос позвучал хрипло и громко, куда громче, чем требовалось: этот человек долго прожил в молчании и уже плохо управлял своим голосом. Свицкий перевел ответ, и генерал снова что-то спросил.

- Господин генерал настоятельно просит вас сообщить свое звание и фамилию...

Голос Свицкого задрожал, сорвался на всхлип, и он заплакал и плакал, уже не переставая, дрожащими руками размазывая слезы по впалым щекам.

Неизвестный вдруг медленно повернул голову, и в генерала уперся его немигающий взгляд. И густая борода чуть дрогнула в странной торжествующей насмешке:

- Что, генерал, теперь вы знаете, сколько шагов в русской версте?

Это были последние его слова. Свицкий переводил еще какие-то генеральские вопросы, но неизвестный молчал, по-прежнему глядя на солнце, которого не видел.

Подъехала санитарная машина, из нее поспешно выскочили врач и два санитары с носилками. Генерал кивнул, врач и санитары бросились к

неизвестному. Санитары раскинули носилки, а врач что-то сказал, но неизвестный молча отстранил его и пошел к машине.

Он шел строго и прямо, ничего не видя, но точно ориентируясь по звуку работавшего мотора. И все стояли на своих местах, и он шел один, с трудом переставляя распухшие, обмороженные ноги.

И вдруг немецкий лейтенант звонко и напряженно, как на параде, выкрикнул команду, и солдаты, щелкнув каблуками, четко вскинули оружие «на караул». И немецкий генерал, чуть помедлив, поднес руку к фуражке.

А он, качаясь, медленно шел сквозь строй врагов, отдававших ему сейчас высшие воинские почести. Но он не видел этих почестей, а если бы и видел, ему было бы уже все равно. Он был выше всех мыслимых почестей, выше славы, выше жизни и выше смерти.

Страшно, в голос, как по покойнику, закричали, завывали бабы. Одна за другой они падали на колени в холодную апрельскую грязь. Рыдая, протягивали руки и кланялись до земли ему, последнему защитнику так и не покорившейся крепости.

А он брел к работающему мотору, спотыкаясь и оступаясь, медленно передвигая ноги. Подогнулась и оторвалась подошва сапога, и за босой ногой тянулся теперь легкий кровавый след. Но он шел и шел, шел гордо и упрямо, как жил, и упал только тогда, когда дошел.

Возле машины.

Он упал на спину, навзничь, широко раскинув руки, подставив солнцу невидящие, широко открытые глаза. Упал свободным и после жизни, смертью смерть поправ.»

(ролик с работником музея 2)

Весна 42 года, скоро год как идёт война. Еврея-скрипача из ресторанного оркестра нагоняет машина. Немецкий офицер командует: «Садись!». Едут в Брестскую крепость. Здесь вокруг какого-то лаза с оружием наготове стоят солдаты. «Там, - объясняет офицер, - прячется

уцелевших русский боец. Ты полезешь вниз и уговоришь его сдаться. Если не уговоришь, можешь не возвращаться.» Скрипач спускается в подземелье, и действительно, находит там полуживого заросшего человека. Тот соглашается выйти и, поддерживаемый музыкантом, поднимается на поверхность. «Есть ли внизу ещё русские?» - спрашивает офицер. «Нет, - хрипит вышедший, - я последний. И поднялся, чтобы увидеть ваше бессилие.» С этими словами герой падает замертво. Музыкант, который все это, якобы, видел, фигура подлинная. Известно даже его имя. Залмен Ставский. К сожалению, здесь ниточка оборвалась, в том же 42 Ставского расстреляли вместе со всем Брестский ГЕТТО.

(ролик 3)

В сюжете романа Бориса Васильева и лежит легенда о неизвестном защитнике крепости, которого удалось взять только через 10 месяцев ожесточённого сопротивления. Борис Васильев покажет русского солдата, до конца отдавшего долг своей Родине. Покажет солдата, чьим мужеством и героизмом восхитятся и немецкие солдаты. И даже немецкий генерал, чуть подумав, поднимет руку к фуражке.

Васильев не забудет и про музыканта, только вместо Ставского у него будет Свицкий. Фамилии похожи, не правда ли?

После выхода романа в Музей Брестской крепости посетители постоянно обращаются с просьбой показать им то место, где пленили Колю Плужникова, настолько реалистичным и достоверным получился у Васильева этот образ. Служителям музея даже пришлось специально вычертить схему его передвижения в соответствии с тем, как это описано в книге.

Я хотела бы обратить ваше внимание на психологическое состояние людей накануне войны. Давайте обратимся к произведению.

(Подготовленное учеником 1 выразительное чтение отрывка текста.)

«— Ты никак не можешь задержаться в Москве? Коля отрицательно покачал головой.

— Неужели так срочно? Коля пожал плечами.

— На границе беспокойно, да? — понизив голос, спросила она.

Коля осторожно кивнул, сначала, правда, подумав насчет секретности.

— Папа говорит, что Гитлер стягивает вокруг нас кольцо,

— У нас с Германией договор о ненападении, — хрипло сказал Коля, потому что кивать головой или пожимать плечами было уже невозможно. — Слухи о концентрации немецких войск у наших границ ни на чем не основаны и являются результатом происков англо-французских империалистов.

— Я читала газеты, — с легким неудовольствием сказала Валя, — А папа говорит, что положение очень серьезное.

Валин папа был ответработником, но Коля подозревал, что в душе он немножко паникер. И сказал:

— Надо опасаться провокаций.

— Но ведь фашизм — это же ужасно! Ты видел фильм «Профессор Мамлок»?

— Видел: там Олег Жаров играет. Фашизм — это, конечно, ужасно, а империализм, по-твоему, лучше?

— Как ты думаешь, будет война?

— Конечно, — уверенно сказал он. — Зря, что ли, открыли столько училищ с ускоренной программой? Но это будет быстрая война.

— Ты в этом уверен?

— Уверен. Во-первых, надо учесть пролетариат поработанных фашизмом и империализмом стран. Во-вторых, пролетариат самой Германии, задавленный Гитлером. В-третьих, международную солидарность трудящихся всего мира. Но самое главное — это решающая мощь нашей Красной Армии. На вражеской территории мы нанесем врагу сокрушительный удар.

— А Финляндия? — вдруг тихо спросила она.

— А что — Финляндия? — Он с трудом скрыл неудовольствие: это все паникер папочка ее настраивает. — В Финляндии была глубоко эшелонированная линия обороны, которую наши войска взломали быстро и решительно. Не понимаю, какие тут могут быть сомнения.»

И ещё один отрывок прочитаем.

(Подготовленное учеником 2 выразительное чтение отрывка текста.)

«- А что в Москве о войне слышно? — понизив голос, спросила она.

— О войне? О какой войне?

— У нас все говорят, что скоро начнется война. Вот-вот, — очень серьезно продолжала девушка. — Люди покупают соль и спички, и вообще всякие товары, и в лавках почти пусто. А западники... Ну, те, которые к нам с запада пришли, от немцев бежали... Они говорят, что и в тридцать девятом так было.

— Как так — тоже?

— Пропали соль и спички.

— Чепуха какая-то! — с неудовольствием сказал Коля. — Ну, при чем здесь соль, скажите пожалуйста? Ну, при чем?

— Не знаю. Только без соли вы супа не сварите.

— Суп! — презрительно сказал он. — Это пусть немцы запасаются солью для своих супов. А мы... Мы будем бить врага на его территории.

— А враги об этом знают?

— Узнают! — Коле не понравилась ее ирония: люди здесь казались ему подозрительными. — Сказать вам, как это называется? Провокационные разговоры, вот как.

— Господи. — Она вздохнула. — Пусть они как угодно называются, лишь бы войны не было.

— Не бойтесь. Во-первых, у нас с Германией заключен Пакт о ненападении. А во-вторых, вы явно недооцениваете нашу мощь. Знаете,

какая у нас техника? Я, конечно, не могу выдавать военных тайн. но вы. кажется, допущены к секретной работе...

— Я к супам допущена.

— Это не важно, — веско сказал он. — Важно, что вы допущены в расположение воинских частей. И вы, наверно, сами видели наши танки...

— А здесь нет никаких танков. Есть несколько броневишков, и все.

— Ну, зачем же вы мне это говорите? — Коля поморщился, — Вы же меня не знаете и все-таки сообщаете совершенно секретные сведения о наличии...

— Да про это наличие весь город знает.

— И очень жаль!

— И немцы тоже.

— А почему вы думаете, что они знают?

— А потому что!.. — Она махнула рукой. — Вам приятно считать других дураками? Ну, считайте себе. Но если вы хоть раз подумаете, что за кордоном не такие уж дураки, так лучше сразу бегите в лавочку и покупайте спички на всю зарплату.

— Ну, знаете...»

(Беседа с учениками о прочитанных текстах.)

- С какой стороны характеризует лейтенанта его представления о войне? Почему он так убеждён в своих словах? Чья точка зрения, Мирры или Коли, наиболее зрелая? Как поменяется мнение Плужникова со временем? Каким предстаёт перед нами лейтенант в начале и в конце романа? Изменился ли он? Как?)

- Мне хочется, чтобы вы помнили, что война – это всегда страшно, это всегда смерть, боль, потери, миллионы сломанных судеб... Всегда, кто бы вам что ни говорил, какими бы целями это не оправдывал, помните об этом... Помните Бориса Васильева и его уроки, спрятанные в его произведениях... Уроки ненавязчивые, порой незаметные, но очень важные...И внимательный

читатель с первых страниц поймёт, что же хотел донести до нас автор каждой строкой своего произведения.

- Время занятия подошло к концу. Надеюсь, что вам понравилось сегодняшнее занятие, что не с пустыми головами вы выйдете за двери класса. Мне очень хотелось бы, чтобы вы все всё-таки прочитали этот роман. Пусть сегодняшний урок станет толчком для знакомства с творчеством Бориса Васильева, ведь помимо этого романа он написал ещё много замечательных произведений.

Приложение 2

«Кем же они не стали?»

- Здравствуйте, ребята! Вы, наверное, уже обратили внимание на тему сегодняшнего урока. И, скорее всего, сейчас она вызывает у вас недоумение. Кто такие **они**? И **кем** они должны были стать? Сейчас вы всё поймёте. Сегодняшнее занятие хотелось бы начать со слов Бориса Васильева. Послушайте, пожалуйста.

«Порой я с густой горечью думаю, кем мы не стали. Мы не стали Пушкиными и Толстыми, Суриковыми и Репиными, Мусоргскими и Чайковскими, Баженовыми и Казаковыми. Мы не стали учеными, инженерами, рабочими, колхозниками. Мы не стали мужьями, отцами, дедами. Мы стали ничем и всем: ЗЕМЛЕЙ.

Потому что мы стали солдатами.

Мы взрывали, вместо того чтобы строить; ломали, вместо того чтобы чинить; калечили, вместо того чтобы помогать, и убивали, вместо того чтобы в счастье и нежности зачинать новые жизни. Война переехала и через меня и если не запахла, не искалечила, не задушила, тяжесть ее все равно невозможно сбросить с плеч. Она - во мне, часть моего существа, обугленный листок биографии. И еще - особый долг за то, что целым и невредимым оставили именно меня...»

-Эти строчки из автобиографической повести Бориса Васильева «Летят мои кони», на мой взгляд, производят очень сильное впечатление. А как считаете вы? Вас они затронули? Почему? Что в них цепляет? Как вы думаете, почему именно с них мы начинаем сегодняшнее занятие? О чём пойдёт речь? Как это связано с темой?

-Сегодня мы с вами продолжим знакомство с творчеством Бориса Васильева и обратимся к ещё одному его произведению. Это самое известное произведение Бориса Васильева, которое принесло ему немалую известность. По нему снято несколько фильмов, неоднократно ставились спектакли. Я думаю, что вы точно слышали о нём, даже если не знаете, что оно

принадлежит перу Бориса Васильева. Вы догадались о каком произведении сегодня пойдёт речь?

- Действительно, это повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» Кто знаком с этим произведением? Кто смотрел фильмы? Какое впечатление оно на вас произвело? Что запомнилось больше всего? Что потрясло? (беседа)

-Хорошо, теперь давайте обратимся к самому тексту. На каком приёме строит своё повествование автор? Подумайте, хорошо! Это приём противопоставления или по-другому антитезы. Что с чем противопоставляется в рамках текста? Давайте составим таблицу.

Мирная жизнь на разъезде	Война на других участках страны
Женщины	Мужчины
Русские	Немцы
Тишина	Война
.....	.....
Женщины	Война

- Какое самое главное противопоставление в тексте? Вы правы, это противоречие женщина и война. Обоснуйте свою точку зрения. (беседа)

-Мы привыкли, что на войне нет места сентиментальности и нежности, а слово **герой** в нашем понимании ...

- Как вы понимаете слово «герой»?

-Каких героев Великой Отечественной войны вы можете назвать?

(Учащиеся отвечают, что герой-это сильный, мужественный, бесстрашный человек, а в качестве примеров называют имена Жукова, Гастелло, Панфилова и других)

Таким образом, ГЕРОЙ в нашем понимании- это сильный, мужественный человек, одним словом, - **мужчина**. Но мало кому известны

имена тех девчонок, которые прямо с выпускного бала попали на войну, без которых, может быть, и не было бы победы.

Медсёстры, ваши ровесницы, под свист пуль вытаскивали с поля боя раненых бойцов. Если для мужчины защита отечества – это долг, священная обязанность, то женщины шли на фронт добровольно. Их не брали из-за юного возраста, но они всё равно шли. Шли и осваивали такие профессии, которые до сих пор оставались только мужскими: летчик, танкист, зенитчик. Шли и убивали врагов не хуже мужчин. Им было трудно, но они всё равно шли. Борис Васильев один из немногих обращается к этой теме.

«Эх бабы, бабы, несчастный вы народ! Мужикам война эта – как зайцам курево, а уж вам-то...» Автор уже с первых страниц пытается донести до читателя несовместимость женщины и войны, и дело даже не в том, что женщина физически слабее любого мужчины, а в том, что не может будущая мать, призвание которой дарить жизнь, безжалостно отнимать её. Повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» вся построена на этом противоречии. Использует его как художественный приём, вызывая то улыбку, то боль. *«Вот почему ты крикнула. Ты потому крикнуть успела, что удар у него на мужика был поставлен. Не дошёл он до сердца с первого раза: грудь помешала...»* *«Ночами зенитчицы азартно лупили из всех восьми стволов по пролетающим немецким самолётам, а днём разводили бесконечные постирушки...»* Текст произведения не на то рассчитан, чтобы показать, как женщина не хуже мужчины воевать может, нет. Просто она делает это по-своему, изобретательно, не всегда логично, не очень, может быть, согласуясь с уставом, не вынашивая в себе мужественность, суровость и хладнокровный эгоизм. Героини повести, не стесняясь, во всю проявляют свой независимый женский характер, даже в таких тяжёлых обстоятельствах как война.

«Нету здесь женщин! – крикнул комендант и даже слегка пристукнул ладонью по столу. – Нету! Есть бойцы, и есть командиры, понятно? Война идёт, и покуда она не кончится, все в среднем роде ходить будем...». И

оказался не прав. Сам понял, что не прав, что человек, хочешь не хочешь, в своём роде ходит, а не в среднем. Только устав об этом ничего не сообщал.

-Где и когда происходят изображённые в повести события?

Действие повести происходит в 1942 году, в мае, на 171 разъезде, где уцелело 12 дворов. Поезда здесь перестали останавливаться, немцы прекратили налёты, но кружили над разъездом ежедневно, и командование держало там на всякий случай две зенитные счетверенки.

Начало повести обманчиво спокойно, даже беззаботно. Кажется, что война обходит стороной 171 разъезд, на котором служит старшина Васков. Коменданта беспокоят не фашисты, а свои солдаты, которые забывают «на курорте» о дисциплине и пьянствуют. Наконец, по просьбе Васкова на разъезд присылают «непьющих» - женское зенитное подразделение. Девушки чуть ли не открыто посмеиваются над своим «деревенским» старшиной, и он чувствует постоянную неловкость с такими бойцами.

Однако стоит дойти до настоящего дела, Васков проявляет себя как бывалый и мужественный солдат.

Рита Осянина, тайком навещая в городе трёхлетнего сына, сообщает Васкову о двух диверсантов около разъезда.

- Какое решение принимает Васков, услышав это?

(Комендант принимает решение отправиться с пятью зенитчицами на перехват.

Итак, пять девушек идут с Васковым.

Это Рита Осянина, Женя Комелькова, Соня Гурвич, Галя Четвертак и Лиза Бричкина.

Дома вы готовили рассказ о девушках по следующему плану:

- 1) К какой среде принадлежит героиня?
- 2) Как складывалась довоенная судьба героини?
- 3) Какие черты характера героини можно считать определяющими?
- 4) Что привело героиню на войну?
- 5) Как проявила она себя на войне?

Расскажите о девушках.

Учащиеся рассказывают о девушках по плану.

- В чём своеобразие каждой из пяти девушек-зенитчиц?

- Какие черты характера героини можно считать определяющими?

- Что же объединяет этих столь разных девушек-зенитчиц?

(Ненависть к врагам, у каждой есть личные счёты с врагами. Преданность и любовь к Родине.)

- Война перечеркнула их судьбы, и сейчас они должны во сто бы то ни стало задержать немцев, «покружить» их по лесу, пока не подоспеет помощь, т.к. выяснилось, что немцев не 2, 16 здоровенных мужиков до зубов вооружённых.

Лизу Бричкину как «лесного человека» Васков отправляет назад чрез болото за подмогой, строго приказывая не сходить с тропы. Но Лиза оступается в болоте.

**Подготовленное выразительное чтение учеником отрывка текста.
Сцена гибели Лизы.**

«На этот раз никто не шел впереди, расталкивая грязь.

Жидкое месиво цеплялось за бедра, волоклось за ней, и Лиза с трудом, задыхаясь и раскачиваясь, продвигалась вперед. Шаг за шагом, цепенея от ледяной воды и не спуская глаз с двух сосенок на островке.

Но не грязь, не холод, не живая, дышащая под ногами почва были ей страшны. Страшным было одиночество, мертвая, загробная тишина, повисшая над бурным болотом. Лиза ощущала почти животный ужас, и ужас этот не только не пропадал, а с каждым шагом все больше и больше скапливался в ней, и она дрожала беспомощно и жалко, боясь оглянуться, сделать лишнее движение или хотя бы громко вздохнуть.

Она плохо помнила, как выбралась на островок. Вползла на коленях, ткнулась ничком в прелую траву и заплакала. Вскликивала, размазывала слезы по толстым щекам, вздрагивая от холода, одиночества и омерзительного страха.

Вскочила — слезы еще текли. Шмыгая носом, прошла островок, прицелилась, как идти дальше, и, не отдохнув, не собравшись с силами, полезла в топь.

Поначалу было неглубоко, и Лиза успела успокоиться и даже повеселела. Последний кусок оставался и, каким бы трудным он ни был, дальше шла суша, твердая, родная земля с травой и деревьями.

Идти труднее стало, топь до колен добралась, но теперь с каждым шагом приближался тот берег, и Лиза уже отчетливо, до трещинок видела пень, с которого старшина тогда в болото сиганул. Смешно сиганул, неуклюже: чуть на ногах устоял.

И Лиза опять стала думать о Васкове и даже заулыбалась. Споят они, обязательно даже споят, когда выполнит комендант боевой приказ и вернется опять на разъезд.

Огромный бурый пузырь вспучился перед ней. Это было так неожиданно, так быстро и так близко от нее, что Лиза, не успев вскрикнуть, инстинктивно рванулась в сторону. Всего на шаг в сторону, а ноги сразу потеряли опору, повисли где-то в зыбкой пустоте, и топь мягкими тисками сдавила бедра. Давно копившийся ужас вдруг разом выплеснулся наружу, острой болью отдавшись в сердце. Пытаясь во что бы то ни стало удержаться, выкарабкаться на тропу, Лиза всей тяжестью навалилась на шест. Сухая жердина звонко хрустнула, и Лиза лицом вниз упала в холодную жидкую грязь.

Земли не было. Ноги медленно, страшно медленно тащило вниз, руки без толку гребли топь, и Лиза, задыхаясь, извивалась в жидком месиве. А тропа была где-то совсем рядом: шаг, полшага от нее, но эти полшага уже невозможно было сделать.

— Помогите!.. На помощь!.. Помогите!..

Жуткий одинокий крик долго звенел над равнодушным ржавым болотом. Взлетал к вершинам сосен, путался в молодой листве ольшаника,

падал до хрипа и снова из последних сил взлетал к безоблачному майскому небу.

Лиза долго видела это синее прекрасное небо. Хрипя, выплевывала грязь и тянулась, тянулась к нему, тянулась и верила.

Над деревьями медленно всплыло солнце, лучи упали на болото, и Лиза в последний раз увидела его свет — теплый, нестерпимо яркий, как обещание завтрашнего дня. И до последнего мгновения верила, что это завтра будет и для нее...»

- Борис Васильев подчёркивает, что смерть на войне всегда страшна и уродлива. Героизм состоит не в красоте, а в готовности пожертвовать собой, даже если этого никто не видит.

- Но о том, что Лиза погибла, Васков и девушки не знают, они надеются на помощь.

- Чтобы задержать немцев, они решают ввести их в заблуждение. Что они придумывают?

Они изображают лесорубов, валят лес, громко кричат. Но от группы немцев отделились 2 человека, разведка. Что делать?

И тогда Женька Комелькова разыгрывает потрясающую сценку беспечного купания в ледяной воде в 10 метрах от вражеских автоматов.

- Сейчас мы посмотрим эпизод из фильма, снятого по произведению Станиславом Росточким. (видеоролик)

- Какой смысл в повести имеет сцена купания Жени на виду у диверсантов?

Этот эпизод глубоко символичен. Сколько же надо иметь ненависти к врагам, расстрелявшим её близких, что она вдруг вышла на берег и прокричала – завела песню про Катюшу.

Именно в этот момент была одержана главная победа над врагом. Ненависть к врагам победила ужас, красота схлестнулась со смертью в борьбе за свободу – и победила!

- Было ли страшно Жене? Откуда мы это видим?

Она *«улыбается, а глаза, настежь распахнутые и ужасом полны, как слезами. И ужас этот живой и тяжёлый, как ртуть»*. В этом эпизоде в полной мере проявились героизм, отвага, отчаянная смелость. Это была маленькая победа. Немцы отходят к Легонтову озеру, не решаясь идти по Синюхиной гряде, на которой, как они думают, кто-то валит лес.

- Но с этой минуты Васков начинает терять своих бойцов.

Первой гибнет Соня Гурвич. Расскажите, как это произошло?

После гибели Сони старшина приказывает Гале Четвертак надеть сапоги Сони (свой она потеряла в болоте), но Васков и не подозревает, какой след оставила в душе Гали Сониная смерть. Она сломлена, напугана до ужаса.

Подготовленное учеником выразительное чтение гибели Гали Четвертак.

«Хрустнула впереди ветка.

— В куст! — шепнул. — И замри!..

В куст сунуть ее успел, ветки оправить, сам за соседний валун завалился, и — вовремя. Глянул: опять двое идут, но осторожно, как по раскаленному, держа автоматы наизготовку» И только старшина подивиться успел, до чего же упорно фрицы по двое шастают, как позади этих двух и левее кусты затрепетали, и он понял, что по обе стороны идут дозоры и что немцы всерьез озадачены и неожиданной встречей и исчезновением своей разведки.

Но он-то их видел, а они его — нет, и поэтому козырной туз был все-таки у него. Единственный, правда, козырь, но тем больнее мог он им ударить. Только уж спешить здесь нельзя было, и Федот Евграфыч всем телом в мох впечатывался и даже комаров с потного лба согнать боялся. Пусть крадутся, пусть спину подставляют, пусть укажут, куда поиск ведут, а там уж он играть начнет, свой ход сделает. С козырного туза...

Человек в опасности либо совсем ничего не соображает, либо сразу за двоих. И пока один расчет ведет, как дальше поступить, другой об этой

минуте заботится: все видит и все замечает. И, думая насчет хода с козырного туза, Васков ни на мгновение диверсантов с глаз не спускал и ни на миг о Четвертак не позабывал. Нет, хорошо она укрыта была, надежно, да и немцы вроде стороной ее обходили, так что опасного здесь не предвиделось. Фрицы как бы ломтями местность резали, и они с бойцом аккурат в середину этих ломтей попадали, хоть, правда, и в разные куски. Значит, отсидеться надо было, дышать перестав, раствориться во мхах да кустарничке, а уж потом действовать. Потом соединиться, цели распределить и шугануть из своей родимой да немецкого автомата.

Диверсанты на прямую вышли, оставляя куст, где Четвертак пряталась, метрах в двадцати левее. Дозоры, что по бокам шли, себя не обнаруживали, но Федот Евграфыч уже знал, где они пройдут. Вроде никто на них нарваться не мог, но старшина все же осторожно снял автомат с предохранителя.

Немцы шли молча, пригнувшись и выставив автоматы. Прикрытые дозорами, они почти не глядели по сторонам, цепко всматриваясь вперед и каждый миг ожидая встречного выстрела. Через несколько шагов они должны были оказаться в створе между Четвертак и Васковым, и с этого мгновения спины их уже были бы подставлены охотничьему прищурю старшины.

С шумом раздались кусты, и из них порскнула вдруг Галя. Выгнувшись, заломив руки за голову, метнулась через поляну наперерез диверсантам, уже ничего не видя и не соображая.

— А-а-а...

Коротко ударил автомат. С десятка шагов ударил в тонкую, напряженную в беге спину, и Галя с разлету сунулась лицом в землю, так и не сняв с головы заломленных в ужасе рук. Последний крик ее затерялся в булькающем хрипе, а ноги еще бежали, еще бились, вонзаясь в мох носками Сониных сапог.

Замерло все на поляне. На секунду какую-то замерло, и даже Галины ноги дергались замедленно, точно во сне. И Васков еще недвижимо лежал за своим валуном, не успев даже понять, что все планы его рухнули, что вместо козырного туза на руках оказалась шестерка.»

- Федот Евграфович берет немцев на себя, чтобы увести их от Жени и Риты. Его ранят в руку, но он всё-таки успел добраться на острове на болоте, в воде он замечает юбку Лизы и понимает, что помощь не придёт.

Рита, Женя и Васков готовы дать последний бой.

Я только раз видала рукопашный,

Раз - наяву. И сотни раз - во сне...

Кто говорит, что на войне не страшно,

Тот ничего не знает о войне.

- Смертельно ранят Риту. И Женя, вызвала огонь на себя, и, уводя немцев от Осяниной, ни на минуту не сомневалась, что всё кончится благополучно.

Подготовленное учеником выразительное чтение сцены гибели Жени.

«А Женькин автомат еще бил где-то, еще огрызался, все дальше и дальше уходя в лес. И Васков понял, что Комелькова, отстреливаясь, уводит сейчас немцев за собой.

Красивое белье было Женькиной слабостью. От многого она могла отказаться с легкостью, потому что характер ее был весел и улыбчив, но подаренные матерью перед самой войной гарнитуры упорно таскала в армейских вещмешках. Хоть и получала за это постоянные выговоры, наряды вне очереди и прочие солдатские неприятности.

И Женька ничего не боялась. Скакала на лошадях, стреляла в тире, сидела с отцом в засаде на кабанов, гоняла на отцовском мотоцикле по военному городку. А еще танцевала на вечерах цыганочку и матчиш, пела

под гитару и крутила романы с затянутыми в рюмочку лейтенантами. Легко крутила, для забавы, не влюблялась.

— Женька, совсем ты голову лейтенанту Сергейчуку заморочила. Докладывает мне сегодня: «Товарищ Евг... генерал...»

— Врешь ты все, папка.

Счастливого было время, веселое, а мать все хмурилась да вздыхала: взрослая девушка, барышня уже, как в старину говорили, а ведет себя... Непонятно ведет: то тир, лошади да мотоцикл, то танцульки до зари, лейтенанты с ведерными букетами, серенады под окнами да письма в стихах.

— Женечка, нельзя же так. Знаешь, что о тебе в городе говорят?

— Пусть болтают, мамочка!

— Говорят, что тебя с полковником Лужиным несколько раз встречали. А ведь у него семья, Женечка. Разве ж можно?

— Нужен мне Лужин!.. — Женька передергивала плечами и убежала.

А Лужин был красив, таинствен и героичен: за Халхин-Гол имел орден Красного Знамени, за финскую — Звездочку. И мать чувствовала, что Женька избегает этих разговоров не просто так. Чувствовала и боялась...

Лужин-то Женьку и подобрал, когда она одна-одинешенька перешла фронт после гибели родных. Подобрал, защитил, пригрел и не то, чтобы воспользовался беззащитностью — прилепил ее к себе. Тогда нужна была ей эта опора, нужно было приткнуться, выплакаться, пожаловаться, приласкаться и снова найти себя в этом грозном военном мире. Все было как надо, — Женька не расстраивалась. Она вообще никогда не расстраивалась. Она верила в себя и сейчас, уводя немцев от Осяниной, ни на мгновение не сомневалась, что все окончится благополучно.

И даже когда первая пуля ударила в бок, она просто удивилась. Ведь так глупо, так несуразно и неправдоподобно было умирать в девятнадцать лет.

А немцы ранили ее вслепую, сквозь листву, и она могла бы затаиться, переждать и, может быть, уйти. Но она стреляла, пока были патроны. Стреляла лежа, уже не пытаясь убежать, потому что вместе с кровью уходили и силы. И немцы добились ее в упор, а потом долго смотрели на ее гордое и прекрасное лицо...»

- Рита знала, что рана её смертельна и что умирать она будет долго и мучительно. Но не о себе она думала в последнюю минуту, а о сыне, который оставался сиротой, поэтому и попросила Васкова позаботиться о нем. Чтобы не быть обузой Васкову, она стреляет себе в висок.

Васков остался в живых один, тяжелораненый, он врывается в избушку к фашистам, которые и представить себе не могут, что он на много вёрст один одинёшенек, и в руках у него разряженная граната.

Подготовленное учеником выразительное чтение отрывка текста.

«Старшина рванул скособоченную дверь, прыжком влетел в избу:

— Хенде хох!..

А они спали. Отсыпались перед последним броском к железке. Только один не спал, в угол метнулся, к оружию, но Васков уловил этот прыжок и почти в упор всадил в немца пулю. Грохот ударил в низкий потолок, немца швырнуло в стену, а старшина забыл вдруг все немецкие слова и только хрипло кричал:

— Лягайт!.. Лягайт!.. Лягайт!..

И ругался черными словами. Самыми черными, какие знал...

Нет, не крика они испугались, не гранаты, которой размахивал старшина. Просто подумать не могли, в мыслях представить даже, что один он, на много верст один-одинешенек. Не вмещалось это понятие в фашистские их мозги, и потому на пол легли. Мордами вниз, как велел. Все четверо легли: пятый, прыткий самый, уж на том свете числился.

И повязали друг друга ремнями, аккуратно повязали, а последнего Федот Евграфыч лично связал и заплакал. Слезы текли по грязному, небритому лицу, он трясся в ознобе, и смеялся сквозь эти слезы, и кричал:

— Что, взяли?.. Взяли, да?.. Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро!.. А не прошли вы, никуда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете!.. Лично каждого убью, лично, даже если начальство помилует! А там пусть судят меня! Пусть судят!..

А рука ныла, так ныла, что горело все в нем и мысли путались. И потому он особо боялся сознание потерять и цеплялся за него, из последних силенок цеплялся...

Тот, последний путь он уже никогда не мог вспомнить. Колыхались впереди немецкие спины, болтались из стороны в сторону, потому что шатало Васкова, будто в доску пьяного. И ничего он не видел, кроме этих четырех спин, и об одном только думал: успеть выстрелить, если сознание потеряет. А оно на последней паутинке висело, и боль такая во всем теле горела, что рычал он от боли той. Рычал и плакал: обессилел, видно, вконец.

И лишь тогда он сознанию своему оборваться разрешил, когда окликнули их и когда понял он, что навстречу идут свои. Русские...»

- Можно ли назвать смерть каждой девушки героической? Почему?

(беседа)

- Подведем итог нашему уроку. Можете ли вы доказать, что у войны не женское лицо?

- Да, у войны, действительно, не женское лицо. Погибли девушки, почти ваши ровесницы. У каждой была своя судьба, были свои мечты, стремления. Война загубила всё: и красоту Жени, и материнство Риты, и мечту Лизы, и талант Сони, и детство Гали. А самое страшное- она прервала нить в «бесконечной пряже человечества». Человечество потеряло не только 5 девчат, но и их нерождённых детей, и детей их детей. В этом вся трагедия.

- Девушки погибли во имя светлого будущего, во имя того, чтобы над нашей страной всегда было чистое небо, тихие зори. Подвиг девушек не забыт, память о них будет вечным напоминанием, что у войне не женское лицо.

Это ими им подобным мы обязаны своей жизнью, это их пример должен нас заставить задуматься над тем, как мы живём, какими достоинствами обладаем, к чему должны стремиться. Мы должны жить достойно за тех парней и девушек, которые не вернулись с войны.

Что гибель нам?

Мы даже смерти выше.

В могилах мы построились в отряд,

И пусть не думают,

Что мёртвые не слышат,

Когда о них потомки говорят.

Б. Майоров

- А закончить наше занятие хотелось бы следующим видеороликом.

Давайте посмотрим.

Просмотр видеоролика.

Приложение 3

«Россия – это мы...»

-Здравствуйте, ребята! Сегодня мы с вами продолжаем знакомиться с творчеством Бориса Васильева. Сегодняшнее занятие одновременно будет похоже на два предыдущих и не похоже. Мы с вами привыкли, что Борис Васильев, являясь участником Великой Отечественной войны, в своих произведениях обращается именно к этой теме. И это действительно так, этой теме отведено центральное место в его творчестве. Но Борис Васильев очень активно увлекался историей, очень глубоко знал её и потратил много времени на её изучение. Поэтому его творчество разнообразно в тематическом плане: он обращается и к древней Руси, и 17-19 векам, и к советской истории.

- Ребята, как вы думаете, почему надо знать историю своей страны?
(беседа)

- Сам Васильев вот что думал по этому поводу: *«...Я прожил без малого шесть десятков и все никак не могу понять, как можно не восторгаться, не любить, а то и просто не знать истории родной страны. Откуда это массовое поветрие? От спесивого полуграмотного убеждения, что история ничему не учит? От низкого уровня преподавания истории в школах?»*

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважение оной есть постыдное малодушие. Так говорил Пушкин.»

- Поэтому следуя заветам писателя давайте прочитаем ещё одну печальную страницу нашей истории. В дилогии «Были и не были» автор погружает нас в 1877-1878 года, а именно обращает наше внимание на русско-турецкую войну. Это огромное произведение, роман – эпопея. Поэтому в рамках нашего занятия мы не сможем познакомиться с ним полностью, а лишь рассмотрим некоторые его эпизоды.

Подготовленное учеником выразительное чтение отрывка текста.

«Артиллерийские понтоны медленно добирались до основного русла. Время шло, а кипевший огнем и боем вражеский берег почти не приближался. Тюрберт нервничал, с трудом унимая растущее раздражение и вызванную этим мучительную внутреннюю дрожь. Он был человеком активных действий, легко ориентировался в боевой обстановке, но терпеливо выжидать не умел и не любил. Он прикидывал, где они могут пристать, как втащат пушки и куда в первую очередь следует направить неожиданный для турок картечный огонь. И все время советовался с невозмутимым Гусевым:

- На руках втащим?

- Втащим, ваше благородие.

- Главное - пушки. Лошадей пока под обрывом оставим, а снаряды - на руках.

- На руках, ваше благородие, это точно. Ты не беспокой себя понапрасну.

- Представляешь, как там Брянову достается?

- Всем достается. Известное дело, без артиллерии.

- Господи, ну что же так медленно, что же так медленно!..

- Ваше благородие, тонем!..

В сплошном грохоте выстрелов он не расслышал тех, что поразили его понтон, не почувствовал, как пули пробили борта, как хлынула вода в тяжелые шаланды.

- Тонем!..

Тюрберт оглянулся, увидел серые, напряженные лица артиллеристов, пушку, ствол которой был направлен на тот страшный, огненный, кровавый берег. Замешательство длилось мгновение:

- Все за борт! Все! Отплывай подальше!

Расталкивая людей, он бросился к пушке. Присел, снял с запора, наводя на турецкий берег. И сразу пропала дрожь: он действовал, он знал, что ему надо делать.

Понтон уже кренился набок, испуганно ржали и бились лошади.

- Ваше благородие! Ваше благородие, Александр Петрович, что ты делаешь?! Ведь убьет откатом, не закреплена ведь, убьет!..

Гусев хватал за руки, тащил к борту. Тюрберт вырвался, впервые в жизни ударил подчиненного.

- Исполнять приказ!

- Саша! - забыв о субординации, забыв о сословном неравенстве, забыв обо всем и помня только, что перед ним самый дорогой человек, Гусев упал на колени. - Сашка, опомнись!..

- Вон! - Тюрберт схватился за кобуру. - Застрелю!

- Стреляй, - покорно сказал Гусев. - Лучшие в меня, чем из пушки. Смерть это верная...

Тюрберт отер мокрое то ли от брызг, то ли от слез лицо.

- Там люди гибнут, Гусев. Они нас ждут, нас, артиллеристов, как спасение, ждут как надежду. Там... Там - Бряннов, Гусев. Что ж прикажешь, без надежды его оставить? Уходи.

Гусев поднялся с колен. На понтоне остались теперь только командир и его старый боевой помощник. Настил заливала вода.

- Прощай, Александр Петрович. - Гусев низко поклонился Тюрберту и, перекрестившись, бросился за борт.

Тюрберт уже ничего не слышал и не видел. Он стоял в воде на коленях, тщательно наводя орудие. Ориентиров не было никаких, он наводил по наитию, но боевое вдохновение его было сейчас великим, прозорливым и прекрасным. Все накопленное им мастерство, весь опыт, вся любовь и вся ненависть сошлись сейчас в его прицеле.

- Держись, Бряннов, - шептал он, выравнивая крен. - Держись, друг мой. Держись... И живи!..

И дернул спуск. Рывкнул единственный с русской стороны пушечный выстрел, и понтон разнесло на куски. Обломки его на миг поднялись над водой и тут же канули в пучину.

А единственный картечный снаряд разорвался в цепи атакующих турок. Ликующий крик вырвался из пересохших глоток стрелков капитана Фока. В едином порыве они смяли растерявшихся аскеров, вырвались из смертного кольца и далеко отбросили противника от берега.»

- Как вы думаете, почему я предложила для чтения именно этот эпизод? Чем он важен для нас в понимании нашего национального характера?

- Сколько действующих лиц в этом эпизоде? Почему нам важен и образ Тюрберта, и образ Гусева? Чем они отличаются и в чём схожи?

- Что заставило Тюрберта пожертвовать собственной жизнью? Ведь он смог сделать всего один выстрел. Так стоил ли он его жизни?

- Война – это, образно говоря, лакмусовая бумага. Она проверяет человека и высвечивает либо его хорошие стороны, либо плохие. Показывает на что способен человек в экстремальной ситуации, когда жизнь висит на волоске. На отважный поступок или на предательство, пойти до конца или сдаться, помочь или толкнуть в спину? Эти вопросы встают перед каждым человеком, но обостряются в пограничной ситуации между жизнью и смертью.

Васильев показывает нам настоящего героя, способного отдать свою жизнь за один выстрел. Вот он настоящий русский характер! Именно он заставляет русского человека совершать безрассудные поступки, бросаться на помощь, жертвовать самым дорогим. И неудивительно, что и в эту войну, и в те, которые были до неё, и в те, которые будут после, русский человек нёс своё предназначение с высоко поднятой головой, не сдавался даже тогда, когда надеяться было уже не на что, выжимая последние силы, он либо добивался поставленных целей, либо умирал, но достойно, не унижаясь и не ползая на коленях.

- Вот мы сейчас с вами говорили о русском национальном характере. А между тем наш главный герой имеет какую-то не очень русскую фамилию –

Тюрберт. Странно, не находите? Но автор даёт нам ответ на этот вопрос, как всегда очень простой.

Выразительное чтение учителя.

«По всем канонам военного искусства турки должны были сбросить в воду первый эшелон, высадившийся на неудобный для атаки берег без артиллерийского сопровождения и даже без ружейной поддержки. Должны были — и не сбросили: Россия опять воевала не по правилам.

Не по правилам воевали русский дворянин Брянов и потомок шведов Тюрберт, украинец Яцинский и немец Фок, поляк Непокойчицкий и грузин Григоришвили и сотни других — русских и не русских — истинных сынов России. Созданный еще Петром Великим русский офицерский корпус был уникальным по своему многонациональному составу. В этом корпусе, спаянном дружбой, обостренным чувством долга и кастовой честью, никто не интересовался, откуда родом офицер, — интересовались его мужеством и отвагой, доблестью и благородством. И солдаты шли за ними в любой огонь, потому что огонь врага уравнивал солдата и офицера, создавая тот необычайный сплав, который никогда не могли понять никакие иноземные специалисты.»

- Что имеет в виду автор, говоря, что Россия воевала не по правилам. Что за правила мы нарушали? Как вы думаете?

- А нарушали мы все мыслимые и немыслимые границы мужества и отваги, отдавали все жизненные силы ради победы, боролись так, как никто до нас, удивляя врага и вызывая в нём невольное восхищение.

- Закончить занятие хотелось бы видеороликом.

Приложение 4
Видеоматериалы, использованные на уроках